КОЛЛЕКЦИЯ

ДРУГИЕ МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО С ПРИЗРАКОМ

ОРИЛЬЕРО
КАНЖЕНГЕ
МИЛОНГЕРО

Галина Гончарова

Танго с призраком: Орильеро. Канженге. Милонгеро

Серия «Танго с призраком»

Текст предоставлен правообладателем
https://litres.ru/69931999
Танго с призраком: Орильеро. Канженге. Милонгеро: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград» АСТ, Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-146380-9

Аннотация

Некроманту всегда сложно устроиться в жизни. Природа его силы такова, что отталкивает людей. Сила смерти. Сила Ла Муэрте. А если некромант – молодая девушка? Сирота, которая вынуждена искать пристанище у своих родственников? Если у неё нет денег, только старое поместье и недобрая родовая слава? Если за ней тянется хвост из старых долгов? Рискнут ли родные приютить девушку? Чем для них это обернётся? Танго со смертью. И по лезвию клинка придётся пройти каждому из них. В танце жизни и страсти сталкиваются некроманты и священники, призраки, люди и чудовища, боги и демоны. Маэстро! Музыку!

Содержание

Орильеро 5
Глава 1 5
Глава 2 43
Глава 3 86
Глава 4 128
Глава 5 167
Конец ознакомительного фрагмента. 185

Галина Дмитриевна Гончарова
Танго с призраком: Орильеро. Канженге. Милонгеро

© Галина Гончарова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Орильеро

Ольге Анатольевне Л., которая так никогда и не прочтет эту книгу. С любовью.

Глава 1

– Калле Тарралонга, ритана, – таксист неодобрительно покосился на Антонию. И вовсе уж сухим тоном добавил: – С вас два реала.

Антония прикусила губу, чтобы не вздохнуть.

Два реала!

Дома она могла два дня жить на эти деньги… может, и больше. Если покупать продукты перед самым закрытием рынка. А здесь?

Одна поездка от вокзала на модном мобиле уже пробила брешь в ее кошельке. Но – никуда не денешься.

Тони достала небольшой кошелек, вышитый старой Долорес – на счастье, нашла в нем две серебряных монетки – и сунула таксисту.

Взгляд черных глаз мужчины стал еще неодобрительнее. Кажется, он рассчитывал на чаевые, но Антония просто не знала, сколько их давать. И давать ли? А вдруг она обидит этого мужчину?

Пока она колебалась, таксист решил все сам.

– Вы выходить будете, ритана?

Нет, за такое она чаевых точно давать не станет! Хоть дверь бы перед ней открыл!

– Благодарю вас, – сухо ответила девушка. И попробовала открыть дверь. Новомодный рычаг не поддавался, сначала она тянула не в ту сторону, потом недостаточно сильно… таксист наблюдал за этим представлением с откровенной ухмылкой.

Понаехали тут!

Тони уже откровенно вспыхнула и, видимо, на нервах, дернула за проклятый рычаг именно так, как надо.

Дверь щелкнула и открылась.

Тони вышла сама, вытащила чемодан с вещами – и такси, едва дождавшись, пока она хлопнет дверью что есть сил (а вдруг не закроется?), развернулось почти на месте, обдав ее вонючим дымом и больно хлестнув по ногам мелкими камушками из-под колес.

Антония медленно выдохнула.

Вдохнула.

Посмотрела на большой дом за массивной кованой оградой.

А потом решительно подошла к воротам.

Молоток? Нет… вот тут нечто новомодное. Кнопка. Антония поколебалась минуту – и надавила на нее. А потом еще раз – для верности.

Не было ни шума, ни звонка, ничего.

Но…

– Проходите, ритана.

Ворота медленно открылись.

Тони вздохнула, подхватила неудобный громоздкий чемодан, который так и норовил дать ей под колени острым углом (и углов у него было не меньше двенадцати… или все двадцать четыре?), и медленно побрела по дорожке, посыпанной таким же гравием, как и небольшая площадка перед воротами…

Дорожка оказалась ужасно длинной, и к ее концу Тони вся взмокла. Лучшее платье противно липло к спине и подмышкам, над верхней губой прямо-таки ощущались противные капельки пота, равно как и на лбу, и на щеках, а еще она ободрала нос туфли об особо выдающийся камушек. Почему-то это ее вконец расстроило, так что до дверей особняка она добралась в отвратительном настроении.

Там девушка и была встречена лакеем в темно-красной ливрее. Явно дорогой и сшитой лучше, чем ее платье. Увы…

– Прислуге надо было с черного входа, – попенял ей раззолоченный малый. – Что ты – правил не знаешь? Новенькая? На кухню?

Это оказалось последней каплей.

Тони плюхнула чемодан прямо на пол, сама почти упала на него сверху и разревелась.

Рядом громко и совершенно немелодично взвыл лакей, на

чью ногу был поставлен чемодан. Да, очередным особо острым углом. И попробуй тут не взвой! Девушка хоть и хрупкое существо, но вес у нее есть. Определенно.

Но разнести в пух и прах нахалку в дешевеньком платьице он не успел.

– Что здесь происходит?!

Лакей подскочил и вытянулся по стойке «смирно».

– Тан Аракон, простите! Это случайно! Это…

Тан Аракон?!

Дядя?!

Антония подскочила еще быстрее. Чемодан опрокинулся на лакея (вторым по счету острым углом), а девушка вытащила из кармана письмо.

– Тан Аракон, мое имя – Антония Даэлис Лассара.

Тан Аракон прищурился. Медленно взял письмо, чуточку влажное от пота и смятое от долгого лежания в кармане.

– Ритана Лассара?

Антония кивнула головой. Копна черных волос не выдержала, вырвалась из плена заколок – и буйным облаком разметалась по плечам.

– Мой отец… умер.

Носом она все же хлюпнула, не справилась с собой. Тан Аракон брезгливо поморщился. Но не ушел, просто стоял и разглядывал племянницу. Молчал.

Тони в ответ разглядывала его.

Дядя был очень сильно похож на отца.

ОЧЕНЬ сильно.

Те же черные прямые волосы, стянутые в недлинный хвост бархатной лентой.

Те же внимательные черные глаза, длинный крючковатый нос, высокий лоб, тяжелый подбородок. Смуглая кожа, широкие плечи, массивный торс, чуточку коротковатые для такого тела ноги и длинноватые руки.

У отца было так же… только отец под конец жизни распустился. Кожу испещрили красные прожилки, лицо опухло и расплылось, глаза налились кровью…

Тони проглотила тяжелый комок в горле.

Она не будет думать об этом сейчас!

Не будет!

Хватит, и так себе уже реветь позволила. Теперь лицо опухнет, и пятна будут. Но уж очень все один к одному сложилось! Она тоже живой человек!

Но сейчас надо собраться. Ну, Тони?! Держись! От этого твоя жизнь зависит!!!

– Давно?

– Два месяца назад, тан.

– Хм… пройдите в гостиную, ритана. – Тан Аракон кивком указал направление, и сам отправился вслед за девушкой.

Чемодан Тони из вредности оставила в прихожей. Авось, не сворują! А если решатся… тогда и узнают, что такое заговор старой Долорес.

Гостиная повергла девушку в шок.

Единственное впечатление, которое было у девушки – БОГАТО!

Роскошные красные бархатные портьеры, золотая отделка темной дубовой мебели, бархат дивана и кресел, ковер, в котором ноги тонули по щиколотку… Тони, повинуясь кивку, опустилась в одно из кресел и застыла, чувствуя себя плевком на роскошной ткани.

Тан Аракон с достоинством опустился в соседнее кресло и вскрыл письмо.

Хм…

Братец!

Если ты читаешь это письмо, значит, я отправился к Даэлис. Наконец-то!

Жаль одного – Антония остается без родных и близких.

Присмотри за ней, пожалуйста. Она умненькая и хорошая девочка, она не доставит тебе хлопот.

Мое имение можно продать, наверное. Пусть полученные деньги будут ее приданым. Я надеялся сам устроить ее жизнь, но – не судьба.

Твой брат Даэрон.

P.S. Помнишь наш детский девиз? Не предавать и не бояться!

Я иногда вспоминаю. Может, сложись все чуточку иначе… а впрочем, что мечтать о несбыточном? Не

предавай, братец, и не бойся. А я за вами пригляжу.

К письму был приложен еще один лист.

Уважаемый тан Адан Мигель Аракон.

С прискорбием сообщаю вам, что шестнадцатого марта этого года ваш брат Даэрон Эктор Лассара скончался на руках своей дочери Антонии Даэлис Лассара.

Причиной его смерти стал разрыв сердечной мышцы. Акт о смерти был составлен доктором Ассуна, подписан и заверен мной, а также градоправителем, таном Саллеро. Смерть его была совершенно естественной и ожидаемой.

Прилагаю к письму список имущества покойного, а также номера фонемов, по которым можно с нами связаться для уточнения дальнейших вопросов, касаемых наследства.

С уважением,
нотариус А. М. Авиель.

Список был невелик. Всего одно поместье Лассара.

Тан Аракон посмотрел на племянницу.

М-да.

Свалилось ему счастье на голову.

Вслух он, конечно, этого не сказал, но… но девушку разглядывал очень тщательно. И вынужден был признать – ни в мать, ни в отца она не пошла. Получилась этакая странная помесь.

Красивая?

Сложно сказать.

Волосы, как у Даэрона. Черные, глянцевые, вьются крупными кольцами. Только вот это дополняется кожей непонятного оттенка… загорелой? Или от природы такой? Желтоватой?

Пока не понять.

Лицо правильное, брови и ресницы черные, но глаза неприятно светлые. Не такие, как у Даэлис, у той глаза были цвета голубого серебра. У Антонии они намного светлее, почти прозрачные, белесые, неприятно смотрятся на смуглой коже. Губы тонкие, упрямо сжатые. Фигура вроде неплохая.

Платье?

Жуткое. Такое… в цветочек, у него в доме даже служанки носят нечто приличнее. Впрочем, это уж вовсе не его забота.

– Антония Даэлис.

Тони продолжала молчать.

– Не могу сказать, что рад твоему визиту, племянница. Ты в курсе нашей семейной истории?

Антония кивнула.

В курсе.

Отец в последние годы сильно пил, а напившись, разговаривал о чем угодно, только спроси. И о своей ссоре с семьей, и о свадьбе, и о матери… Тони слушала.

– Тогда ты понимаешь, что на радушный прием рассчитывать не стоит.

Антония кивнула еще раз.

Выгонят сейчас – или хотя бы переночевать дадут? Идти было откровенно некуда, разве что возвращаться в Лассара. Но там… м-да.

Туда было лучше не возвращаться.

Да и денег ей на обратную дорогу точно не хватит. Несколько десятков песет – ладно, может, на билет в дилижанс ей и хватит. Но не на поезд, это уж точно.

– На улицу я тебя, разумеется, не выгоню.

– Благодарю, тан Аракон.

Мужчина поморщился.

– Можешь называть меня дядя Мигель.

– Благодарю, дядя Мигель.

– Но на многое не рассчитывай. У меня две дочери на выданье, и в первую очередь я буду думать о них.

– Да, дядя Мигель.

Тан Аракон довольно кивнул. Кажется, девчонка оказалась понятливой.

– Моя супруга с дочками отправились по магазинам. Когда они вернутся, я вас познакомлю. Наша семья не слишком богата, придание мы тебе выделить не сможем. Поэтому рассчитывать надо лишь на имение. Что ты знаешь о его рентабельности?

Антония знала.

Но стоит ли раскрывать все свои карты?

– К моему сожалению, дядя Мигель, я не способна к математике. Эти цифры такие сложные.

Мужчина даже не удивился.

– Да, женщинам бывает сложно спланировать свои расходы. Ладно, я свяжусь с нотариусом. Как его зовут?

– Александр Мария, дядя Мигель.

– Хорошо. Скоро должна вернуться моя супруга…

Мужчину прервали звонкие женские голоса, щебетавшие нечто очень содержательное.

Антония прислушалась.

Шляпка, ленты, отделка…

Есть хотелось – аж желудок судорогой сводило. Но кормить ее явно никто не собирался. А в чемодане есть несколько маисовых лепешек…

Желудок скрутило вовсе уж неприятно. Антония выпрямилась и крепко сжала кулаки. Потом медленно расслабила пальцы. Что-то ей подсказывало, что накормят ее не скоро…

– Папа, это ужасно!

– Это невыносимо!

– Девочки, спокойнее!

В гостиную одна за другой вторглись три женщины. В первую минуту у Антонии даже в глазах зарябило, но потом она кое-как собралась, сосредоточилась, и оказалось, что все не так страшно.

Первой в комнату влетела очаровательная девушка лет восемнадцати. Если ее что и портило, так это несколько жидковатые черные волосы. Но накладной шиньон успешно исправлял это маленькое недоразумение, а все остальное и так

было выше всяких похвал.

И кремовая кожа, и большие карие глаза, и тонкие черты лица. Фигура тоже отвечала последним канонам красоты – высокая, тонкая, стройная. А уж про дорогое бледно-розовое платье и упоминать не стоило. Антония оценила и шелк, и кружево… м-да.

Если у дядюшки и есть проблемы с деньгами, или он это скрывает, или платья куплены с рук, или… это надо выяснить.

Вторая девушка была на год или два моложе. У нее и фигура еще не сформировалась, но Антония видела, что эта девушка, скорее, пошла в отца. И более крепкой и коренастой фигурой, и чертами лица – нет, не красавица. Может, еще и перелиняет, но пока – на троечку. Даже бледно-зеленое платье не скрывает ее огрехов. Но приданое – лучшее украшение девушки, не так ли?

Последней вплыла их мать.

Антония прикусила губу.

Даже сейчас она была красива. Черные волосы, карие бархатные глаза, улыбка…

Фигура, несмотря на двое родов, не расплылась, только налилась и обрела завершенность. Костюм цвета сливы облегал ее уверенно и элегантно. На черных волосах неведомым чудом держалась шляпка с пером. И брошь, которой было приколото это перо…

Да чтоб Антонии сквозь кресло провалиться, если это не

аметист. С бриллиантами!

– Дорогая, – поднялся ей навстречу дядя Мигель.

– Михелито! – улыбка, протокольный поцелуй в щечку… Только вот Антония кожей почувствовала, как ее почти что просканировали. Просветили лучами от ушей до пяток, оценили старое платье, сбитые каблуки на туфлях, неухоженное лицо – и сделали выводы.

Весьма нелестные для девушки.

– Позволь тебе представить, дорогая. Наша племянница, Антония Даэлис Лассара.

Точеные брови тетки вздернулись вверх.

– Вот как? Девочки, выйдите вон.

– Мама?! – возмутилась старшая. Что ж, красавице явно многое позволялось.

– Папа? – с более вопросительной и менее скандальной интонацией уточнила вторая.

– Девочки. За дверь.

В голосе дамы лязгнул капкан, и девушки не решились протестовать. Первой выплыла младшая, потом прошествовала к двери старшая – и мягко прикрыла ее.

Несколько секунд в гостиной стояла тишина.

Потом дядя Мигель прошел к двери – и резко открыл ее.

– Ой!

– Папа!

– Юные ританы, если я увижу вас подслушивающими под дверью, о новых платьях в этом месяце можете забыть.

Угроза прозвучала достаточно веско.

Девушки надулись и удалились. В этот раз окончательно.

Тетка сверлила Антонию ледяным взглядом. Пауза затягивалась.

Девушка смотрела в пространство рассеянным взглядом и молчала. А зачем говорить?

О чем говорить?

Вот спросят или попросят высказаться – тогда.

Молчание нависало над полем битвы, давило, требовало разрядки… первым, что и неудивительно, сдался дядя Мигель.

– Розалия, я понимаю, что ты не в восторге.

– Да, Михелито. Я не в восторге.

– Но мы не можем выгнать на улицу юную девушку, оставшуюся сиротой.

Розалия вздохнула. Вот здесь и сейчас красавицу она уже не напоминала. Скорее – жабу. Есть такие… остромордые.

– Мигелито, у нас две дочери на выданье.

– Да, Розалия.

– И нам важна их репутация.

– Несомненно.

– А если кто-то узнает… о той истории? Это бросит тень и на наших девочек. Они могут не сделать удачную партию. Ты знаешь, что Альба сегодня разговаривала с Сесаром-младшим?

– Сесар вернулся из Приграничья?

– Да. И семья срочно подыскивает ему невесту. Сам знаешь, после той истории с Амандой…

– Об этом потом, Розалия. Такие новости не для девичьих ушей.

– Если твоя племянница еще девица, – поджала губы ритана Аракон. – В провинции нравы достаточно вольные…

– Антония? – посмотрел тар Аракон на девушку.

– Можете отвести меня к любому доктору по вашему выбору, – безразлично ответила Антония. Внешне безразлично. Только покажи, как тебя оскорбило и задело такое предположение – мигом вцепятся!

– Отведу, – гадюкой прошипела ритана.

– Вот и договорились, – подвел итог дядя Мигель. – Розалия, Антония останется у нас. Мы подумаем над устройством ее судьбы, безусловно, после того, как устроим девочек. Я понимаю, что тебе это не слишком приятно, но вести разносятся быстро. И если мы откажем Антонии в помощи, будем выглядеть намного хуже.

Ритана поджала губы. Но тут уж крыть было нечем. Сплетни летают быстро, летают далеко… это кому-то кажется, что Лассара далеко. Ан, оглянуться не успеешь, как узнаешь о себе много нового и неприятного.

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Отец рассказывал. Вы – Розалия Инесса Аракон, в девичество Мондиго, – отозвалась Антония.

– И обо всем остальном он тоже рассказывал?

– Да, ритана Аракон.

– Можешь на людях обращаться – тетушка Розалия, – надавил голосом Мигель. Женщина скривилась, но спорить не стала.

– Пусть так. Почему ты приехала к нам?

– Потому что другой родни у меня не осталось, ритана Аракон.

– И ты решила, что тебе здесь будут рады?

– Нет, ритана Аракон. Но в большом городе проще найти работу, проще устроить свою жизнь. В Лассаре я могу только умереть от голода и холода. Здесь у меня появляются перспективы.

– Хм…

Женщина смотрела на Антонию – и девушка ответила прямым взглядом. Глаза в глаза. Отлично зная, что ее взгляд вынести очень сложно.

Так и сейчас произошло – ритана отвела глаза – и тут же сморщила нос.

– Ты ужасно выглядишь, кошмарно одета, и надо полагать, собираешься поправить это за наш счет?

– Розалия, поместье можно продать, а деньги от него потратить на обустройство Антонии в жизни, – спокойно перебил ее дядя Мигель.

Антония промолчала.

Ей не хотелось продавать свое единственное достояние. Но – кто ее сейчас спросит?

– Сколько тебе лет, девушка?

– Восемнадцать.

– Перестарок. Моей Альбе семнадцать, но я уже подыскиваю ей супруга.

– Отец был слишком занят, чтобы заниматься устройством моей судьбы.

– Пил?

– Пытался воссоединиться с мамой, – не вытерпела Антония.

И была вознаграждена злым блеском в карих глазах. Что бы эта тетка ни говорила – она помнит. И ей до сих пор обидно.

Антония мысленно поблагодарила старую Долорес за науку.

– И ему это удалось.

– Да, ритана Аракон.

Женщина вздохнула.

Она бы с огромным удовольствием выпнула наглую девчонку на улицу. Но – нельзя. Репутация – это святое. Не бойся грешным быть, а бойся грешным слыть. Да и муж против…

– Хорошо. Я распоряжусь, тебя устроят в доме. Сегодня изволь принять ванну и отмыть всю грязь. Обед и ужин тебе подадут в комнату. Завтра мы съездим к врачу. Гардеробом займемся потом, если ты не соврала. Если соврала – выкину сразу. Я не потерплю разврата рядом с моими девочками.

Это понятно?

Антония кивнула.

Кажется, продержалась?

Почти, почти.

– Да, ритана Аракон.

– Насчет работы – подумаем. Смотря, что ты умеешь. Возможно, это будет лучшим выходом из положения.

– Я…

– Потом расскажешь. Возможно, сейчас это преждевременно обсуждать.

Антония кивнула. Может, и преждевременно. Посмотрим…

В любом случае она отдохнет, искупается, выспится и поест. А в ее положении это очень много.

А еще…

Какое-то время она в безопасности. А вот что будет потом? Но пока все спокойно, надо хотя бы чуточку отдохнуть.

Комната, выделенная Тони, была не из роскошных. Скорее, комнатой для прислуги. Но девушка была не в претензии.

Комната была оклеена светлыми обоями, в ней стояли кровать, шкаф, комод, стол и стул. Более того, в ней была личная ванная.

Крохотная такая, поддон и душ. Развернуться негде. И вода текла прохладная, почти холодная, но Антония не обра-

тила на это внимания.

Дома, если она хотела принять ванну, ей приходилось самой кипятить воду в больших кастрюлях, самой таскать ее по лестнице, равно, как и холодную, а чтобы наполнить старинную чугунную ванну, воды требовалось много.

И остывала она быстро. Не успеешь последнее ведро притащить, как уже прохладно. А тут вода сама течет! Замечательно!

Тони вымыла волосы и с огромным удовольствием вышла из ванной.

Позвольте!

Поднос-то с едой ей прислали! Но помимо того…

Тот самый лакей, который встретил ее в холле, стоял рядом с кроватью, на которую она водрузила свой боевой чемодан. И примерялся…

– Руки убрал! – рявкнула девушка, напрочь забывая, что вообще-то стоит в одной простыне на голое тело.

Лакей обернулся – и расплылся в улыбке.

– О, а ты ничего так, детка!

– Руки. Убрал, – мягко повторила Антония.

Когда она начинала говорить с такой интонацией, разбегались даже подручные мясника. Но лакея никто не предупредил, и он явно решил, что бессмертен.

– А то что? Сейчас я твой чемодан уберу, и мы с тобой поваляемся немного на кроватке, правда? Ты же мне не откажешь?

Антония и сделать ничего не успела. Сам нарвался, идиот!

Лакей ухватился за чемодан, потянул… крышка распахнулась.

– Ой…

А больше он ничего толком и не сказал. Потому как шок.

Руки негодяя на глазах покрывались большими и весьма болезненными чирьями. Красными такими, воспаленными…

– А…

– Стой смирно, – рыкнула Антония. – И молчи, а то вообще не снимут. Запомни – еще раз подойдешь или прикоснешься, вообще необратимо будет!

– А…

– А так через три дня пройдет. Я с тебя эту вину снимаю.

Чирьи чуток побледнели.

Лакей дернулся к двери, но тут уж начеку была Антония.

– Стоять!

Сказано было увесисто. Мужчина повиновался.

– Кто приказал?

– Никто. Я сам…

– Да неужели? А если чирьи верну?!

– НИКТО!!!

Тони прищурилась.

Вроде не врал. Ну да ладно, бес с ним!

– Пошел вон. И всем скажи – кто что стащит, с ними то же и будет.

М-да. Хорошо пошел, антилописто.

Антония посмотрела на дверь.

Замок, не засов, не щеколда.

Плохо. Щеколду заложи – и хоть весь дом сюда стучись. А от замка, выходит, у кого-то ключи есть. У кого-то?

Считай, у всех!

Ладно, авось и не полезут, побоятся. А щеколда… если ее оставят жить – и именно в этой комнате, она ее сама прикрутит.

А пока…

Антония переоделась в свежее платье и принялась за еду.

Суп был густым и горячим, жаркое вкусным, а кусок пирога пропитан кремом. Девушка разве что тарелку не облизала. Потом улеглась на кровать и прикрыла глаза. Отдохнуть, хоть чуточку отдохнуть…

* * *

Антония Даэлис Лассара появилась на свет восемнадцать лет тому назад, в поместье Лассара. Отец был счастлив до безумия. Жену он любил, дочь обожал… жаль, судьба бывает скупа на счастье.

Не прошло и десяти лет, как в семью пришло настоящее горе. Даэлис Серена Лассара хоть и была магом, но роды… такая штука.

Хрупкое телосложение, не успевшая вовремя помощь,

кровотечение – и на кладбище, оцепенев от горя, стояли, держась за руки, отец и дочь.

Стояли над холмиком, под которым спали Даэлис Серена Лассара и Антонио Мигель Лассара. Мать и сына не стали разлучать после смерти.

Для Антонии настали черные времена.

Ей было больно, плохо, тоскливо… да, они не были богаты, но когда Даэлис была жива, Лассара полнился смехом, светом… забавно, но жилье потомственных некромантов было уютнее и теплее любого другого жилья на день пути вокруг.

Пока Даэлис была жива.

А потом старый дом затосковал.

И равно тосковали его обитатели. Только вот проявлялась эта тоска по-разному.

Если Тони убегала из дома и целыми днями слонялась по холмам и долинам, то ее отец – пил.

Жестоко, беспощадно, стараясь хоть в алкогольном забытье увидеть тех, кого он потерял. И Антония не могла осуждать его. Нет, не могла…

Особенно когда ей все объяснили.

Да, когда девочка ходит, где хочет, по пятам за ней могут ходить и приключения, и неприятности… чаще – вторые. Но иногда судьба присматривает за малышами.

Вот и сейчас…

Судьбе было угодно обломать основную ветвь Лассара, но

росток остался. Маленький, хилый, но очень живучий.

В одну из своих прогулок Тони упала в ручей, промокла, а когда пыталась высушиться у костра, познакомилась со старой Долорес.

Ведьма и травница, Долорес арендовала один из коттеджей с незапамятных времен. И знала еще отца Даэлис. А может, и деда – она не распространялась.

Какие уж между ними были счеты, какие отношения?

Антония не знала. Но увидев ребенка и расспросив, Долорес пригласила ее приходить в гости. Что Антония и сделала.

Долорес была темной…

Так уж повелось от века, что Бог даровал людям магию. Даровал, чтобы они могли построить дома, защититься от бед… даровал светлую магию.

Потом, как водится, вмешалась противная сторона. И часть людей… они не то чтобы переметнулись. Некромантия была необходима, это признавала даже Церковь.

Поди, упокой кладбище? Справься с упырем, поговори с призраком, а как насчет проклятий, которыми люди разбрасываются по поводу и без повода?

Без специалистов тут никак.

Но темные маги всегда были ближе к Нему. Неназываемому. Или Безымянному Богу, кому как больше нравится.

Неназываемый, Темный, Безымянный – это все о нем.

Из рода некромантов была Даэлис. Род Лассара считался весьма и весьма древним, и все его представители были тем-

ными. Все…

Один талант, или второй, слабый или сильный, развитый – или заброшенный, как у матери Антонии, одинаковым был принцип.

Темные маги рода Лассара, хоть и заглядывали во Тьму, но полностью ей не предавались никогда. И честно служили государству.

Если бы еще на государственной службе можно было хорошо заработать!

Или Даэлис чего-то не знала, или не успела рассказать, но жили Лассара небогато. Небольшое поместье, родовой замок, больше всего похожий на башню… выезжать в столицу?

До этого просто не дошло. Вроде бы они и не нуждались, но…

Когда Антония была маленькой, ее это не интересовало. Когда выросла – спросить стало не у кого.

Долорес тоже была темной. Не магом с королевской печатью, а просто деревенской ведьмой. Отлично справлялась с мелкими проблемами и горестями, могла снять порчу или проклятие, могла их наслать, могла что-то заговорить, хорошо лечила те болезни, которые происходили из Тьмы, да и в травах разбиралась…

Вот она и взялась опекать девочку. Пару раз проговорилась, что знала ее деда – мол, Эрнандо Лассара никогда не позволил бы дочери и брак этот, и так распуститься, и с поместьем чтобы… нет, не позволил бы.

Антония слушала.

Да, романтика…

Некроманты теоретически могут жить долго. Очень долго.

Практически?

Это не целитель, который, наткнувшись на неизлечимую болезни, разводит руками и горестно вздыхает. У некроманта очень часто не бывает шанса отступить. Подробностей Долорес не знала, но знала, что дед и двое дядей Антонии так и погибли. На королевской службе.

Даэлис Лассара, как сирота, была призвана в столицу, и даже приглашена ко двору.

Но…

На первом же балу она увидела Даэрона Аракона.

Старший сын рода Аракон был молод, красив, очарователен… помолвлен с другой.

И им с Даэлис стало это безразлично.

Это была любовь с первого взгляда. Настоящая. Искренняя до последней секунды и дыхания… помолвка? Клятвы? Обязательства?

Даэрон махнул рукой на всё.

Наследство? Титул? Чин? Придворная жизнь?

Даэлис…

Антония помнила свое детство.

Если мать о чем-то и жалела – только о том, что не может подарить отцу дюжину детей.

Если отец о чем-то и жалел – только о том, что решился на второго ребенка. Если бы не это – Даэлис была бы жива. Вот и все сожаления.

Даэрон бросился в ноги королю, умоляя о милости. И тот согласился, чтобы не прерывался род Лассара, ввести жениха в семью невесты. Пусть принимает фамилию, земли… родовую магию Даэрон принять, правда, не сможет. И с магией будут определенные сложности.

Араконы хоть и были аристократами, хоть и принадлежали к достаточно старому роду, но магией не владели. Да и с деньгами у них было не так, чтобы очень. Родовитость?

О, да!

А вот магии не дано. Уже давно не дано. Не было в семье проявленного дара. Ни у кого. Оставалось пытаться поправить свое положение выгодными браками. И Даэрон собирался жениться на Розалии Инессе Мондиго.

Девушка из богатой торговой семьи была еще и красива, и неглупа – так что еще надо?

Даэлис.

Розалия была в гневе, в отчаянии – бесполезно! Даэрон и слышать ни о чем не хотел. И остановить его было нереально – словно поезд сорвался с рельсов. Все, что причиталось Даэрону, получил его младший брат. Невесту – тоже.

Он-то в претензии на брата не был, скорее, наоборот.

А бывшая невеста?

Она явно не была в восторге. Но Антонии это было без-

различно. Неприязнь? Нелюбовь?

А вы думаете, некромантов любят? Род Лассара – темный, от этого не отвертишься. И арендаторы к ним на земли не рвутся, и люди при встрече оберегающие знаки творят, а кто и за спиной плюется…

И что?

Это – их проблемы! А Антония, как и ее мама, с детства научилась держать голову высоко. Если вам не нравится некромант… поверьте – для некроманта вы не проблема. Разве что после смерти. И то если зомби станете.

Есть ли сила у Антонии?

Определенно какая-то была. Но определить, какая именно, Долорес не могла. Заговоры Антонии давались, хотя и хуже, чем старой ведьме. Там, где благодаря заговору Долорес, вора обсыпало чирьями, у Антонии получились бы мелкие прыщики. И те быстро пройдут.

Там, где у серьезного проклятийника враг сломает ногу, у Антонии он максимум – споткнется и палец ушибет. Нет, проклятия – это было не ее. Ни наложить, ни снять.

А что другое?

Вот тут засада.

Целительской магии можно обучиться по книжкам.

Огненной, воздушной, хотя бы азам.

Некромантии так не научишься. Тут никакие книжки не помогут. Учить некроманта должен другой некромант, а их раз-два, да и обчелся. Вообще в Астилии с ними проблема.

Да Антония и не рвалась. Не нравились ей ни кладбища, ни покойники… а если еще возиться с ними…

Фу!

Вы знаете, как пахнут старые трупы? А как пропитываешься этим запахом?

Вот лично Антония предпочла бы обойтись без таких радостей в своей жизни. Правда, иногда радостям плевать на ваше желание. Два раза плевать! И лезут они вам на голову, совершенно не считаясь с чьим-либо мнением. И не знаешь, куда от них залезть… куда бы подальше!

Глаза девушки закрывались… усталость брала свое.

Спать… и еще раз – спать. Завтра будет новый день.

* * *

– Михелито, мне не нравится эта идея.

Мигель Аракон нечасто возражал жене. Чего уж там – домашние дела он полностью отдал под управление Розалии, а все остальное – тестю. Сам он в торговле разбирался крайне слабо, разве что счета проверял. Не дано!

А раз нет способностей, нечего и лезть со своими нотациями. Ты – мне, я – тебе, все взаимообразно.

Тесть это качество зятя оценил и без зазрения совести использовал его имя и связи. Расплачивался, правда, вовремя. А Мигель мог вести жизнь рантье.

Уютную, спокойную и сытую.

Ходить в клуб, попыхивать дорогой сигарой, рассуждать о несовершенстве времен… дорогих увлечений, вроде карт или скачек у него не было, любовниц он заводил из тех, что подешевле, так что в бюджет укладывался.

Розалия к мужу относилась очень хорошо. И не в последнюю очередь благодаря его поступку.

Тогда, двадцать лет назад, ей было очень тяжело.

Даэрона она любила. Мигеля… Мигель был плохой копией своего блистательного старшего брата. Бледненькой и малоинтересной.

Но после омерзительной выходки Даэрона именно Мигель помог ей высоко держать голову. Именно он ходил и всем рассказывал, что Розалия составила счастье его жизни.

Что он безумно благодарен брату, иначе такая девушка никогда бы не обратила на него внимание.

Что Даэрон просто идиот – отказываться от такого сокровища… ладно еще имя или титул! Это – бывало! Но Розалия… Если бы Даэрон не поступил так глупо, Мигель бы просто вызвал его на дуэль, потому что Розалия покорила его с первого взгляда. Ее глаза, ее улыбка… она достойна принца, но тот уже женат.

Не повезло.

Принцу. А вот Мигелю повезло, и он от своего счастья не откажется!

В результате девушка оказалась даже слегка в выигрыше. А еще…

Мигель пришел к ней и честно признался во всем. Нельзя сказать, что он любит. Но у его семьи есть обязательства. И он постарается их выполнить и стать хорошим мужем. Не будет оскорблять и обижать, не позволит это делать другим – и вот аванс.

У него все получилось.

Розалия чувствовала себя… не то чтобы счастливой. Для полного счастья ей надо было, чтобы ее любили. Искренне. И все сделанное выполняли по любви, а не по расчету.

Но так… так тоже было неплохо.

Она чувствовала себя спокойной и уверенной. Двадцать лет, как чувствовала. Свербела лишь одна мысль, что она не может подарить мужу наследника. Не получалось.

Две дочери – и дальше как отрезало. Даже забеременеть не получалось, сколько она ни пыталась лечиться. Все было бесполезно.

Разводили руками целители, качали головами проклятийники. Все в порядке, а детей нет.

Мигель махнул рукой и попросту получил высочайшее разрешение. Кто-то из его зятьев попросту примет фамилию Аракон и войдет в его семью на правах сына. Вот и все…

Кровь пойдет дальше, линия продолжится, род не прервется.

Розалия создала себе маленький и уютный мир. А сейчас…

Сейчас в этот мир вторгалось нечто новое.

Неприятное, неожиданное, незнакомое. И выглядело это нечто, как тощая девица с неопрятным простонародным загаром и слишком пристальным взглядом светлых глаз.

Почти как у матери.

Розалия помнила…

– Роза, я понимаю твое состояние. Но это – моя племянница.

– Это ЕЕ дочь!

– Но и дочь моего брата тоже. А я ему обязан.

– Чем?!

– И Даэлис я тоже в каком-то смысле обязан.

– Михелито!

– Если бы Даэрон не влюбился, если бы девушка не ответила ему взаимностью – что ждало бы меня? Жизнь приживала на содержании у брата? Скорее всего, я знаю себе цену, и вряд ли смог бы многого добиться. Вместо этого я унаследовал титул, женился на самой очаровательной женщине всей Астилии, живу в свое удовольствие – хотя бы за это я благодарен брату.

– Д… Даэрон не думал о тебе.

Впервые за несколько лет Розалия произнесла его имя. Привычно царапнуло сердце.

А она надеялась, что отболело. Нет, некоторые раны не заживают, просто на них перестаешь обращать внимание. Привыкаешь…

А когда напоминают – вдвойне, втройне становится боль-

но.

– Даэрон думал только о себе. Но мне грех жаловаться на его эгоизм.

Розалия покачала головой.

– Дитя двух эгоистов. Милый, как это может сказаться на нас? На нашей жизни, наших детях? Я не скрою, мне неприятно видеть эту девицу у себя дома. Но это не просто предубеждение. Это еще и страх. Что она выкинет? Я не знаю, но я боюсь…

Мигель вздохнул.

– Антония кажется разумной девушкой.

– А еще она наверняка*темная*.

– Я этому не удивлюсь, – Мигель вздохнул… м-да. Его затея оборачивалась неприятной стороной. Но и отказывать от дома сироте? Его просто не поймут, когда узнают. И узнают – наверняка.

– Рози, солнышко, Антония принадлежит к роду Лассара.

– И? Что с того, кроме их жуткой магии?

– Их слава, родная. Их слава. Темные маги на службе Астилии – это Лассара. У Антонии, как у последнего представителя своего рода, есть возможность подать прошение королю. Думаешь, она не рассматривала эту возможность?

Женщина сдвинула брови.

– Она не кажется дурочкой. Нищенка, оборванка, но не дура, тут ты прав.

– И как мы будем выглядеть в этом случае? Отвергнув

девочку? Отказав ей от дома?

Розалия скривилась.

Да, в этом случае ее дочерям не видать приличной партии. Такое пятно на репутации – это не купчиха в женах у аристократа, это-то как раз привычно. А вот предательство одного из своих…

Родовые связи весьма сильны в Астилии. Даже не родственные – родовые. И связь в пятом-шестом колене может быть важнее денег или оказанных услуг.

– Ты прав, родной. Но как же мне это не нравится!

– Роза, милая, своди ее к врачу. Приведи в порядок и объясни ситуацию. На многое эта девочка рассчитывать не может, все верно. Но я постараюсь поступить с ней честно. Превращу ее наследство в деньги, дам за ней приданое, а взамен она обязуется не доставлять нам никаких хлопот. Или – вылетит из нашего дома.

Розалия медленно кивнула.

– Да, это другое дело, любимый. Совсем другое.

– И поговори с девочками.

Розалия поджала губы.

– Пока я запретила им общаться.

– А теперь объясни ситуацию. Они уже взрослые, должны понимать.

– Что – понимать? Михелито, ты сам видишь. И Альбу, и Антонию, и Паулину… если Альба красавица, то бедняжка Паулина проигрывает Антонии. И сильно.

– Ничего. Приданое ее выручит.

– Это если Антония также не подаст прошение о наследовании имени Лассара.

– Вряд ли. Темные – этим все сказано.

Розалия кивнула. Но все же она сомневалась.

– Кто знает…

– Все будет хорошо, родная.

– Ох, Михелито, – уткнулась в плечо мужа женщина. Расчет, да! Но за двадцать лет сюда и симпатия примешалась, и уважение, и понимание, и даже капелька любви. Любовь – она ведь разная бывает, и вот такая – тоже.

Не огонь, норовящий спалить все вокруг, но ровное и уютное пламя, на котором хорошо готовить утренний кофе.

– Все будет хорошо.

Розалия кивнула. Но она искренне в этом сомневалась. Сердце женщины чувствовало беду.

Какую?

Знать бы! Она бы ее… но было у Розалии подозрение, что уже поздно, непоправимо поздно.

* * *

Когда стукнула дверь хижины, Долорес не особо удивилась. Разве что пожала плечами и повернулась обратно к очагу.

Что ж…

Так решила Судьба.

Двое мужчин, вошедшие в домик, явно почтения к судьбе не испытывали.

– Где она?! – скрипнул один.

Долорес бросила взгляд через плечо.

Визитеры ей не нравились. Ни старший – лет сорока на вид, худощавый и весь какой-то дерганый. Похожий на паука-сенокосца. Ни младший, более плотный и внешне симпатичный. Но признать его хотя бы обаятельным мешал взгляд…

Снулый, вялый, ей-ей, в тухлой рыбине огня и то больше, чем в этом типе!

Долорес пожала плечами, незаметно расстегивая брошь на шали.

– Не знаю. Место, Марти!

Маленький песик – помесь терьера невесть с какой дворнягой, которого Долорес брала с собой в лес, злобно зарычал на пришельцев. Не кинулся – был неглуп и понимал, что сразу такую пакость ему не одолеть. Но дайте волю – мигом вцепится.

Или хозяйка хочет с ними сначала поговорить?

Вот уж зря… от эти типов смертью пахнет!

– Врешь, старая гадина.

Долорес ответила словами, которые не положено знать почтенной старой сеньоре. А вот старой гадине – в самый раз.

Услышав несколько вольное описание своей родослов-

ной, младший из мужчин почему-то обиделся. Хотя ничего оскорбительного для животных Долорес и не сказала. Но сеньор шагнул вперед, протягивая руку и норовя ухватить женщину за костлявое плечо.

Наивный…

Нападать на деревенскую ведьму, в ее-то доме!

Долорес резко взмахнула рукой.

Шаль слетела с плеча, полоснула по глазам, словно живая обернулась вокруг мужчины, спутала ноги – и тот сам, по инерции продолжая движение, упал в очаг головой. Попал лицом в огонь, но не закричал – так удачно приложился лбом, что убивай – не очнется!

Второй из мужчин оказался умнее – и навел на сеньору небольшой огнестрел.

– Я из тебя сейчас решето сделаю, гадина! Только дернись!

Долорес фыркнула.

– А живым потом уйдешь? Паучок?

– Что ты мне сделаешь, если сдохнешь? Где она? Отвечай?

– Сказала же – не знаю!

– Тогда скажи, на какую ногу хромать хочешь. Я тебе сейчас колено прострелю…

Долорес вздохнула – и скрестила руки на груди.

– Убивай. Я свое отжила, не жалко…

Выстрел действительно грянул.

«Паук-сенокосец» споткнулся – и рухнул вперед. А за его

спиной возник сеньор Хуан.

– Долли, я тебя не задел?

Сеньора Долорес покраснела, как девочка. Это она-то Долли? В ее семьдесят?

– Все в порядке. Со мной.

– А этим что надо?

– Девочку искали.

– Плохо… не успокоились, значит…

– Где ж им успокоиться? Ты как маленький…

– Рано или поздно они обо всем догадаются. Ты же понимаешь…

– Понимаю.

– И нам бы хорошо отсюда уехать.

Марти согласно гавкнул на слова Хуана. Ради такого дела он даже ногу дохлого мерзавца выпустил… ничего, сейчас еще потреплет!

Долорес нахмурилась.

Уехать?

Здесь ее дом, ее земля… и вообще – почему она должна это делать? Жизнь прожита, чего трепыхаться? Хотя… пожить бы еще! Лет двадцать так… лучше – тридцать. Она может, ведьмы живут долго…

Сеньор Хуан опередил отказ.

– Если они сразу тебя найдут, да и спросят – быстрее потом поиски начнут. А вот если девочка уехала, а потом, спустя какое-то время, и ты… не к ней ли?

Долорес задумалась.

– Могут и так подумать.

– И за тобой кинутся. Давай попробуем путешествовать? Неужели тебе никогда не хотелось увидеть другие страны?

Долорес фыркнула.

– На какие шиши, старый?

– Не такой уж я и старый, – степенно ответствовал сеньор, поглаживая бородку клинышком. – На пропитание нам заработаю, а там и на домик, с Божьей помощью найдется…

Долорес покачала головой.

– Приросла я здесь.

– Ради девочки можно бы и оторваться ненадолго? Разве нет?

Долорес вздохнула.

– Ну…

– Опять же, два трупа… я совершенно не хочу давать разъяснения властям…

Долорес оставалось только вздохнуть. Вот ей тоже эти разъяснения давать не хотелось. И трупы в ее возрасте таскать-закапывать тоже…

Не молоденькая уже! Вот когда б ее в лесу подкараулили – дело другое! Там и закопать можно, а то и дикое зверье бы постаралось…

– Что ты предлагаешь?

Предложение Долорес не понравилось. Но зато оно было рабочим…

Спустя два дня вся округа знала, что старая ведьма сгорела в своем доме.

Засиделись старики до полуночи, винцо попивали, да много ли ей с соседом надо? Напились, уснули, уголек-то и выпади из очага… конечно, угорели.

А поскольку коронер в провинции бывал в трактире куда как чаще, чем на работу захаживал, акт он подписал без малейших сомнений.

Пропала травница Долорес Делия Веско? Пропал картежник Хуан Амон Мартель? И что? Значит, их скелеты на пожарище и найдены.

А что там было вовсе даже два мужских скелета… и собаки там не было…

И кого это волнует?

Сказано – Долорес Делия Веско и Хуан Амон Мартель – значит, так тому и быть. И точка!

Глава 2

Солнечный зайчик пощекотал нос Антонии.

Вчера девушка устала настолько, что уснула, не задергивая штор. Вот и пришла расплата – на рассвете. Комната была ориентирована окнами за восток, и солнце сработало не хуже будильника.

Антония открыла глаза, чихнула и окончательно проснулась.

Потянулась, вспоминая вчерашние события.

Что ж.

Пока ее не выгнали. А если еще и завтраком накормят – будет вообще великолепно. Но пока… пока ей лучше не дергаться. Умыться, принять душ, привести себя в порядок…

Антония закрутилась по комнате.

Вскоре черные волосы были расчесаны и крепко стянуты светло-серой лентой. Светло-серое же утреннее платье неплохо сидело на фигурке. Правда, оно было перешито из маминого, но фигуры у Даэлис и Антонии были похожи.

Обе среднего роста, обе скорее худощавые, а в лиф хорошо бы что-то подложить. Потому как выпуклости там есть, но – маловыразительные. С другой стороны, это платье было самым простым и удобным из всех имеющихся у Антонии. До середины икры, юбка в складочку, талия перехвачена ремешком, лиф на пуговицах, аккуратный воротничок.

И цвет ее любимый, серо-стальной.

Украшения?

Откуда бы! Единственное, что было у Тони – «траурные» вещи, и те – мамины. Ониксовая брошь Даэлис, простой серебряный медальон с двумя локонами – ее и отца, крепко сплетенными в косичку, тяжелый гребень для волос, к которому должна крепиться вуаль. Все достаточно дешевое. Пропить у отца рука не поднялась… а может, и поднялась бы, но Антония вовремя утащила их и спрятала.

Оставалось ждать.

Антония сидела, смотрела в окно и размышляла.

Ей не рады – это безусловно.

Ее выгонят? Вполне возможно.

Она справится? Антония вздохнула, наворачивая на палец кончик упрямого локона.

Сложный это вопрос. Очень сложный. Чтобы выжить в большом городе, надо иметь хоть какую-то специальность. А что она умеет делать? Всю работу по дому? Безусловно. Но прислуга… это вопрос сложный.

Как объяснил ей милейший сеньор Хуан, хороший приятель Долорес, в служанки лучше идти не с ее внешностью и возрастом. Женщина ее не наймет – кому ж нужно искушение рядом с мужем или сыном? А та, которая наймет, может нанять как раз с этой целью. Вряд ли Антонии хочется ложиться с кем-то в постель. А от этого еще и дети бывают…

Антонии не хотелось.

Ни постели, ни детей. Последних пока особенно.

А какая-то специальность… что она еще умеет? Готовить? Но не так, чтобы хорошо, в кухарки ее точно не возьмут. Все, что она съела вчера в этом доме, все выше ее скромных способностей. Ей так не приготовить. Не дано.

А что она еще может?

В принципе, она неплохо знает травы. И может попробовать получить место в аптеке. Или в подручных у аптекаря. Вот это возможно. Надо будет обойти аптеки и поинтересоваться.

Увы, список женских профессий был удручающе низок.

Можно пойти работать в лавку. Платят там немного, но с голоду она не помрет, а торговать у нее должно получиться. Правда, она благородного происхождения. А для дам торговать считается унизительно… ага, а помирать с голоду не унизительно? Антония оставила для себя это на крайний случай. Авось да пригодится.

Рукоделие?

Вот с этим у Антонии все было плохо. Шитье, починка вещей, раскройка и прочее… на практике она могла заштопать дыру на одежде. Но и только. От вида спиц, пряжи, коклюшек, иголок, ниток у нее просто нервный тик начинался. Жуть же жуткая!

Стирка?

О, это требуется всегда. Но Антония, увы, не могла этим заниматься. Щелок мгновенно разъедал кожу на руках, спи-

ну сводили судороги… а зимой, когда она попробовала отбелить белье на снегу, она простудилась и чудом не умерла. Даже отец вышел из запоя и за ней ухаживал…

Нет, это она не сможет. Тяжелая физическая работа просто не для нее. Можно, но – недолго. А потом она помрет мучительной смертью.

Зато быстро, и мучиться не будет. Но жить хотелось…

Актерство? Пение? Художества?

Нереально. По той простой причине, что у нее должен быть покровитель. Где его найти, и как удерживать внимание мужчины… в теории Антония это все понимала. На практике?

Пусть кто-то другой в этом практикуется. На панель она всегда успеет.

Переписывать тексты? Переводить их?

Надо знать языки и иметь неплохой почерк. Антония не могла похвастаться ни тем, ни другим. Почерк у нее был не особо разборчивый, после маминой смерти ее некому было усаживать за уроки. А что до языков…

Антония хмыкнула.

Ругаться она могла. А вот что-то еще – сомнительно. Чему научил сеньор Хуан, тому и научилась. А умел старик достаточно многое. Но… специфическое.

Вот в карты Тони играла хорошо. Осталось придумать, как этим заработать.

В кости… даже плутовать могла.

Казино?

Не хотелось бы, все же это сложный мир, со своими законами и порядками. Но если придет край – лучше продавать свой разум и свои руки. А не свою… женскую суть.

Замуж?

Замуж Антония вообще не хотела. Но подозревала, что говорить это окружающим не стоит. Так и Долорес наставляла.

Запомни, детка, – она задумчиво попыхивала трубкой, сидя у очага. И Тони сидела рядом, а очаг дарил тепло. Или это было тепло двух одиноких сердец? Робкое, неумелое, откровенно трусоватое…

И все же оно было!

–…почему-то считается, что женщина не может жить без мужчины. Без мужа, сына, вообще без штанов в доме. Якобы мы глупые, бесполезные, мы пропадем одни… Это глупость, конечно. Но миром правят мужчины. И если не хочешь подохнуть в сточной канаве…

Антония не хотела.

–…научись притворяться. Что ты тоже слабая. Что ты в ком-то нуждаешься. Что ты – такая же, как все.

– Я не как все. Я Лассара.

– И что это значит? Кроме фамилии?

Антония пока не знала. Ей казалось, что некроманты… ну, это такое… ну такое…

А что именно?

Она не знала. Долорес наблюдала за ней с легкой насмешкой.

–Запомни, детка. Сама по себе ни фамилия, ни вереница славных предков ничего не значат. У нас принято гордиться своими предками, но мы никогда не задумываемся – станут ли они гордиться нами?

– Это как?

– Вот так. Ты Лассара. Чем ты достойна своих предков?

–Ничем. Но я…

– Вот когда ты сможешь что-то сделать… что-то, чем будешь гордиться, тогда тебе можно будет сказать с гордостью: Я – Лассара. А пока ты просто личинка. И кем ты станешь – неизвестно.

Это было обидно. И тем обиднее, что сказано честно и правильно. Без прикрас.

Пока ей еще нечем гордиться. Но – вдруг? Стоит начать с того, что она выживет.

Размышления оборвал стук в дверь.

– Сеньорита…

– Ритана Лассара, – спокойно поправила Антония.

Сеньорита – обращение к неблагородным. И не владеющим магией. Сеньор, сеньора…

Для благородных или для магов – тан или ритана.

Служанка вспыхнула, но спускать Антония не собиралась. Раз, второй… да, она здесь может и не задержаться. Но это не повод вытирать об нее ноги!

– Простите, ритана Лассара. Тан Аракон просил пригласить вас к завтраку.

– Хорошо.

Антония встала, расправила платье… и лишний раз поблагодарила старого Хуана. Да, на землях некромантов мало кто хотел селиться. Несколько бедняков, Долорес, Хуан…

Старый картежник обучал девочку тому, что умел сам.

Плутовать в карты. В кости. А еще – блефовать.

Ты можешь иметь на руках две шестерки и десятку. Но выглядеть ты должна на все четыре туза. И наоборот. Если ты слабая – покажи силу. Если сильна – покажи слабость. И девочка училась.

Играть было интересно. Весело, забавно… а что за промахи ей доставалось линейкой по пальцам… ну так что же? Не промахивайся!

Здесь и сейчас Антония решила не показывать своей неуверенности.

Она улыбнулась – и вышла из комнаты так стремительно, что служанка отстранилась.

– Как тебя зовут?

– Анита, ритана.

– Проводи меня в столовую, Анита. Пожалуйста.

– Да, ритана Лассара.

Чего стоило Антонии не застыть на пороге столовой – знала только она.

Не сжать руки в кулаки (у хорошего игрока руки должны быть расслаблены, чего ты издеваешься над мышцами, их что – узлом связали?!), не удрать, не застыть на месте…

Все семейство Аракон было в сборе.

Тан Адан восседал во главе стола, совсем как некогда отец. По правую руку от него сидела ритана Розалия в нежно-зеленом платье и сверлила девушку недобрым взглядом.

По левую руку – младшая из дочерей, кажется, Паулина, в чем-то желтом… цвет ей не слишком шел. Кожа девушки казалась не смуглой, а грязной.

Рядом с матерью сидела старшая дочь, Альба, в белом платье. Вся воздушная… но, на вкус Антонии, на ней было слишком много оборок. Хотя – это ее личное мнение.

Напротив Альбы был поставлен еще один прибор.

– Доброе утро, Антония. Проходи, – дядя любезно пригласил ее за стол. – Знакомься, это твои кузины, Альба Инес и Паулина Мария. Девочки, это Антония Даэлис Лассара, дочь моего старшего брата.

Девушки кивнули. И даже сделали они это по-разному.

Паулина – как устрица, которую за холку вытащили из ракушки, и она мечтает спрятаться обратно.

Альба – с уверенностью записной красавицы.

Антония склонила в ответ голову.

– Я рада нашему знакомству, хотя и произошло оно поздно. И при достаточно печальных обстоятельствах.

– Прошу, присаживайся, – тан указал на место рядом с

Паулиной. Антония опустилась на отодвинутый лакеем стул – и вздохнула.

Рядом с ее тарелкой лежало штук шесть разных приборов… а как быть, если они пользовались только ложкой и вилкой? Ножом мясо резали, вот и все.

А тут какие-то вилочки сложные, крючок, непонятно зачем…

Антония тихо вздохнула.

Ритана Розалия тут же это подметила.

– Что-то не так?

– Благодарю вас, ритана. Все замечательно, но… к сожалению, мои манеры недостаточно хороши для вашего стола, – сформулировала Антония. Вот языком болтать ее сеньор Хуан научил, это важная часть блефа. Вести разговор обо всем – и ни о чем. Легко, спокойно, не напрягаясь, сколько раз они так болтали за картами на любую тему…

– Ваши манеры? – ритана явно не ожидала такого признания.

Антония развела руками.

– В связи с известными вам обстоятельствами, ритана, пострадало и мое образование, и мое воспитание. Я просто не представляю, для чего нужно такое количество столовых приборов.

Ритана вздохнула.

Она бы с удовольствием пошпыняла невоспитанную девицу.

Но – как?!

Вот если бы Антония попробовала строить из себя даму… тут да! Розалия могла бы оттоптаться на ее самомнении. А когда девушка во всем честно признается? Как ее можно винить за смерть матери?

Или за то, что ее отец – безответственная свинья и эгоист?

А ведь и правда…

Розалия посмотрела на Михелито почти с любовью.

Представила себя на месте Даэлис Лассара – и аж передернулась. Да, любовь, все это чудесно, но живем-то на земле! Она точно знает, случись с ней что плохое – так муж девочек и в люди выведет, и замуж выдаст с присущей ему обстоятельностью, и не бросит… потом, может, и женится, так потом же! А бросить родного ребенка на произвол судьбы – и спиваться?

Отвратительно!

Такого она бы для своих детей не хотела!

Розалия перевела взгляд на Антонию. А ведь девчонке нелегко пришлось. И платье у нее с чужого плеча, и кожа такая… видно, что девушка привыкла проводить много времени на солнце, вот и нос облупился, и загар неприличный. Но это действительно не ее вина!

Ей кажется – или ей очень повезло с мужем?

– Паулина, покажи кузине, какими приборами и для чего пользоваться. Впредь это твоя обязанность.

– Мама!

– Считай это тренировкой. У тебя будут дети, а гувернантка может не всему научить малышей. Ты же не захочешь за них краснеть?

– Да, мама.

– Тогда подавайте на стол, – кивнула ритана лакею. И посмотрела на девушек. – Наши планы на сегодня – Антония.

– Да, ритана Розалия.

– Надо свозить тебя к врачу. Это первое. Второе – твой гардероб.

– Мой гардероб, ритана?

– Для столицы он не подходит. Ты не поломойка, а племянница. Появись ты в таком ужасном виде хотя бы два раза – и все заговорят, что у Араконов плохо идут дела. На грани разорения.

Антония вспыхнула.

Ритана пронаблюдала это с едва заметной улыбкой. Да, она *поняла*. Но она ведь двадцать лет жила с мыслью о том, как ее обидели! И мысль никуда не делась, она все еще жила в глубинах души. А от понимания до растворения мутного осадка пройдет еще много времени.

И все же…

Было в этом нечто язвительное.

Ты бросил меня, Даэрон? Ты бросил всех. Ты предал и меня, и свою мертвую жену, и свою живую дочь. А я лучше тебя. Я – не предаю.

Тан Адан наблюдал за своей женой. Внимательно, серьез-

но – и был доволен результатом.

Купцы ведь!

Не стоит ждать от купеческих дочек истерик, криков, скандалов… это не к ним. А вот расчетливость присутствует.

Розалия не поняла пока еще, но вчера он подбросил ей пару «гвоздиков», за которые обязательно зацепятся мысли.

Не то чтобы Адан обожал брата – доставалось ему в давние времена от Даэрона. Но здесь и сейчас принять в свой дом племянницу было меньшим из зол. А вот устроить поле боя в своем доме…

Ну – нет!

Его и так все устраивает, поэтому надо перевести возмущение Розалии в конструктивное русло. И тан Адан справился.

Он нечасто пользовался своими знаниями, но уж родную-то супругу изучить за двадцать лет можно!

Не женился бы он на злобной и тупой дуре, а Рози неглупа и практична. Сейчас позлится немного, и то на Даэрона, а потом, глядишь, и девочку выгодно пристроим.

А что? Семья, как дерево, ветвями сильна, вот ими и прирастать надо!

Розалия тем временем продолжала раздавать указания.

– Девочки, пока мы съездим к врачу, вы переберете свой гардероб и отберете для Антонии по три платья.

– Мама! – взвилась Альба.

– Не из новых. Вам я потом еще закажу.

– Тогда – ладно! – тут же сориентировалась Альба. – Пусть!

Антония промолчала.

Не в ее положении чего-то требовать. Да и… она подозревала, что старые платья дядюшкиных дочерей будут новее ее платьев. Лет так на десять-пятнадцать. Она-то сейчас мамино носит…

– А по дороге заглянем к белошвейке, – припечатала Розалия. – Белье, надо полагать, у вас тоже не новое?

Антония кивнула.

И сказала то, что можно было сказать в данной ситуации.

– Ритана Розалия, полагаю, вы можете называть меня просто – Тони? Как родственницу?

– Тони… звучит достаточно простонародно, – вздохнула дама. – Ладно, пусть так. Паула, Тони – кушайте и будем собираться.

Завтрак не то чтобы удался. Особого удовольствия Антония не получила, было не до того. Какой уж там вкус, когда контролируют каждый твой жест?

Паулина подошла к вопросу очень ответственно, вплоть до того, что толкала девушку под оттопыренный локоть.

Сердиться тут было не на что. Действительно – позорище. Но обидно ведь!

Так что к концу трапезы Антония была рада и встать из-за стола, и выйти из комнаты. А уж к себе она поднималась

даже с улыбкой.

Ей сказали, что пока ту комнату закрепят за ней – пусть живет. Это все же хозяйское крыло, хоть и третий этаж, мансарда…

Не апартаменты, как у хозяев и их дочерей, но все же есть своя ванная комната, а Антонии больше ничего и нужно не было!

–Помни! За любые благодеяния придется расплачиваться, и чем меньше их окажут, тем меньший счет придется оплатить.

Голос сеньора Хуана так и скрипел в голове.

Как-то там старики без нее? Хотя эти – не пропадут! Не тот случай!

Долорес уж семьдесят лет исполнилось, и не просто так она их прожила. Темная, да еще травница, считай – ведьма деревенская. А сеньор Хуан – картежник, шулер, надо полагать, немного мошенник, и успешный! Ведь отошел от дел, живет… что в глуши – понятно, кому ж охота проблемы со старыми товарищами получить? Главное тут другое.

Сам отошел от дел. И жив остался.

В его профессии это большая редкость.

В комнате Антония взяла сумочку и переобулась в уличные ботинки. Но ритана Розалия только глаза закатила.

– Ужас! Даже не так – УЖАС!

– Я неправильно одета? – уточнила Антония.

– В вашей провинции так и принято – выходить на улицу

без шляпки и перчаток?

– Эммм…

Антония откровенно не знала. А какая разница? Она ходила, как ей удобно, а Долорес вообще шляпы не терпела, и повязывала голову платком…

– Понятно. Дита!

В коридор выплыла одна из служанок.

– Мою шляпку с незабудками. И нитяные перчатки под нее! Мигом!

– Да, ритана.

Служанка унеслась вихрем, и вскоре вернулась с заказанным. Правда – увы.

Вот на Розалии шляпка сидела, как надо. А на Антонии… то ли шляпка была великовата, то ли голова маловата, то ли прическа не та – Розалия махнула рукой и решила, что так сойдет. Потом разберемся. Перчатки тоже были великоваты. Но выбирать не приходилось.

Розалия мученически покосилась на туфли и чулки девушки, но говорить уже ничего не стала, только рукой махнула.

– К врачу.

Антония у врача не была никогда.

В детстве она не болела, если только чем-то несерьезным, с чем отлично справлялись и травы Долорес, а потом… потом у них не было на это денег. Да и Долорес была лучше

любого врача.

А потому Антония с интересом разглядывала белый кабинет и металлическую рамку посредине.

– А зачем это?

– Встаньте, пожалуйста, в рамку, ритана. Это устройство считает ваши параметры ауры и выдаст результат.

– Хорошо.

– Только прошу вас сначала разуться и снять шляпку.

– Да, конечно…

Розалия, которая присутствовала в кабинете, только вздохнула.

Дикая девчонка. Да что ее – отец и к врачу не водил ни разу? И как она только до своих лет дожила? Почему-то с каждой минутой Розалия все больше радовалась, что не вышла замуж за Даэрона.

Антония послушно встала, куда сказали.

Врач коснулся считывателем аурной рамки – и повел палочкой по листу пергамента, на котором медленно появлялись буквы. Дорогое удовольствие.

Но зато данное заключение нельзя подделать. В нем только чистая правда. И обмануть считыватель нельзя – его такие маги делали! Деревенским девкам до них, как на кривой козе до столицы!

Впрочем…

Розалия взяла пергамент (почему-то с бумагой так не получалось, все могло отпечататься только на пергаменте, на-

верное потому, что он некогда был частью живого существа) и пробежала глазами по строчкам.

Что ж.

Неплохо, она ожидала худшего.

Восемнадцать лет, девственница, это просто отлично. Полностью здорова, даже зубы не болят. А вот эта строчка – плохо, очень плохо.

– Ритана? – Антония заметила изменения на лице тетки. – Что-то не так?

– Да.

– Я чем-то больна?

– Нет. Ты полностью здорова, но вот это…

Антония посмотрела на строчку, подчеркнутую пальцем тетушки.

– Что-то не так?

– Ты просто не понимаешь…

– Нет. Проявленный и оформленный темный дар. Направленность – спиритизм. Это что-то плохое?

– Как бы сказать… погоди! Ты видела призраков?

– Нет, никогда.

– Та-ак… как бы это проверить?

– Если ритана желает, – вмешался врач.

– Желает, – решительно отрезала Розалия.

– Это будет стоить чуточку дороже…

Женщина вздохнула – и махнула рукой.

– Делайте.

На стол легла небольшая тарелочка с буквами и цифрами, нарисованными на фарфоре. И стрелочкой посередине.

– Антония, прошу вас прикоснуться к ней.

Антония пожала плечами и повиновалась.

Бесполезно. Тарелочка осталась просто тарелочкой. Старой, ей уж лет сто, наверное? Это Антония и озвучила.

– Я должна что-то увидеть или почувствовать?

– Мы должны были стать свидетелями вашего общения с призраком.

– Эээээ?

– Вы никогда не видели спиритическое блюдце?

Антония задумалась.

– Я видела такие тарелочки дома. А они спиритические?

– Ритана?

– Мы из них омлет ели. Удобно, как раз большой кусок помещается, и благодаря шпеньку не сдвигается никуда… и фрукты выкладывали.

Врач открыл рот. Закрыл.

– Нет. Если у вас и есть дар, то общаться с вами призраки точно не хотят.

– Вот и замечательно! – кивнула ритана Розалия. – Укажите это в заключении, доктор Мендес.

– Конечно, ритана. Жаль, такая способность…

– Девушке она ни к чему! – припечатала Розалия.

Антония молчала.

А что тут скажешь? Про свои способности она ничего не

знала. Да, они должны быть. Наверное… Но общаться с какими-то посторонними призраками ей совершенно не хотелось. И так найдется, чем заняться.

На улицу ритана Розалия вышла гораздо более довольной, чем пришла. Девчонка оказалась действительно девушкой. Это хорошо.

А магия…

М-да.

Темный поток – это плохо. Но если у мужа будет светлый и более сильный, есть хорошие шансы на рождение светлых детей. Опять же, поместье… надо обговорить этот вопрос с мужем. Смотря что будет выгоднее.

– Ритана Розалия! – отвлек ее от размышлений мужской голос.

Ритана развернулась – и заулыбалась.

– Тан Риалон! Какая встреча!

– Глазам своим не верю! Что привело вас в нашу вотчину?

Антония смотрела на стоящего перед ними мужчину – и почему-то поеживалась.

Что-то в нем было такое… страшноватое.

А так посмотришь – ничего необычного. Да, мужчина. Лет сорока на вид, осанистый, представительный, с короткой ухоженной бородкой, с черными волосами, обильно присыпанными сединой. Таких много.

Выделяются только его глаза.

Угольно-черные. Такого насыщенного цвета, что даже зрачка не видно.

Эти глаза – самое значимое на его лице. Остальное сразу просто не замечаешь. Хотя мужчина достаточно симпатичный. Четкие скулы, квадратный подбородок, высокий лоб, тонкий прямой нос – чувствуется порода и не один десяток благородных предков.

Но эти глаза словно вытягивают из окружающего пространства весь свет. И из человека тоже. Вытягивают, выпивают, уничтожают…

Так он тоже – темный маг! – вдруг сообразила девушка.

– Я привела на осмотр свою племянницу, – заулыбалась ритана. – Тан Эрнесто, может быть, вы тоже посмотрите на нее? Мне сказали, что у девушки темный поток и направленность – спиритизм, но к общению с духами она вроде бы не способна?

Тан Риалон прищурился. Сделал шаг вперед.

Антония подавила желание отодвинуться назад. А лучше вообще сбежать.

Она – Лассара!

И девушка вздернула подбородок. Правда, даже так она была мужчине от силы по плечо.

– И как зовут юную красавицу?

Не разозлись Антония так на свою трусость, она была бы более вежлива. Но – злость одолевала. Ее предки были не хуже, а она… она боится?! И было бы чего!

Не съедят ее!

– Насколько я знаю, тан, первым представляется всегда мужчина.

Ответом ей была веселая улыбка, показавшая белые зубы.

– Не только красавица, но еще и умница.

– Антония! – разозлилась тетка.

Тони перевела на нее взгляд. И вдруг поняла, что не одна она здесь боится. Тетка тоже трусит, просто старается этого не показывать. И прячется за светскими манерами.

– Мое имя – Эрнесто Карлос Риалон. Тан Риалон, а для вас, юная ритана – просто Эрнесто. Полагаю, мы с семьей Адана дружим достаточно давно, чтобы я заслужил подобную привилегию?

– Антония Даэлис Лассара, – сухо ответила Антония.

– Для друзей можно просто Тони, – взмахнула рукой ритана Розалия. – По-домашнему…

– Те самые Лассара?

– Да, тан…

Судя по вздоху тетки – на ее плечах лежала каменная плита размером с дом.

– Странно… я знал вашего деда, ритана. У всех Лассара четкий проявленный и оформленный дар. Был… с вами кто-то занимался?

– Нет, тан Эрнесто.

– Это печально.

– Что вы, тан Эрнесто, – махнула рукой ритана Розалия. –

Это чудесно! Я понимаю, что темный поток необходим, что это важно, но для молоденькой девушки это просто трагедия! Ей ведь предстоит устраивать свою жизнь…

Антония почти кожей почувствовала перемену настроения мага. С заинтересованности – на легкую… брезгливость даже.

– Да, разумеется. Замужество и дети, что может быть достойнее.

– О, я так рада, что вы меня понимаете, – не заметила и малейшей иронии ритана Розалия.

Антония стиснула зубы.

Терпи, детка! Терпи!

Да что б вам всем три раза опаршиветь!

– Полагаю, ритана, здесь неподходящее место для осмотра, – решил темный. – Возможно, мы как-нибудь встретимся в менее формальной обстановке?

Ритана думала недолго.

– О, я буду счастлива пригласить вас с семьей на ужин. В этот четверг, вы ведь не откажете нам в визите, тан?

– Разумеется, нет.

– И Адан будет счастлив! А я буду рада пообщаться с милейшей Барбарой! И Амадо, надеюсь, нанесет нам визит?

Мужчина подумал пару минут.

– Да, пожалуй. Если не случится ничего непредвиденного, я обязательно буду.

– Заодно и Тони отдохнет с дороги. Бедная девочка только

вчера приехала из своей провинции… это так утомительно.

– Не сомневаюсь, – мужчина еще раз улыбнулся и откланялся.

Розалия развернулась и направилась к коляске. И только там, спрятавшись за тентом, позволила себе потерять ненадолго лицо.

Расслабилась, поежилась.

– Жуть какая! Бедная Барба…

– Простите? – Антония решительно была настроена получить даже крохи информации.

– Ты думаешь, я просто так огорчилась? Ну так посмотри на темного мага! Ты хочешь, чтобы такое было рядом с тобой – постоянно?

Антония подумала.

– Не знаю. Не уверена.

– Да рядом с ним оставаться невозможно! Могилой тянет!

Антония ничего такого не чувствовала, кроме легкого холодка и ощущения опасности, но сочла за лучшее покивать головой.

– Вот! А каково его супруге? С ним же надо… так, это не важно! Но поверь, мужчинам проще устроиться в жизни, чем женщинам! Терпеть супругу с таким даром не станет никто!

– А такой же темный? – с чисто практическим интересом уточнила Антония.

– Темных слишком мало! И всем точно не хватит. А сын Эрнесто, Амадо Риалон, увы, не одарен магией. Хотя… мо-

жет, оно и к лучшему.

– Думаю, для его отца это трагедия.

– Пффф! Зато для Паулины это хороший шанс. Так что с юношей не кокетничай, поняла?

– Да, ритана Розалия.

Момент откровенности прошел. Ничего не изменилось.

* * *

Следующим пунктом поездки была церковь.

Разумеется, центральный собор – разве Араконы могут ходить куда-то еще?

И духовник у них должен быть не абы какой, а один из *видящих*. Об этом Розалия сообщила девушке, пока они ехали в собор, и заставила сильно поволноваться.

Последний раз… когда же девушка была в церкви последний раз?

Когда маму с братиком хоронили. А потом отец и все иконы из дома вынес, и все уничтожил. Орал, что если Бог не сберег ему самое ценное, то и плевать ему на такого бога! И в храм он ни ногой, и дочери не даст…

Дочь не возражала.

Вставать в пять утра, отправляться к заутрене, сидеть и слушать, когда тебя клонит в сон, да еще и чувства какие-то изображать?

Не стоит требовать от ребенка то, на что не всякий взрос-

лый способен. Антония только радовалась.

А сейчас…

Страшновато было. Поджилки тряслись. Все же – церковь.

В Астилии это серьезный институт. Да и в других странах – тоже. А началось все лет пятьсот назад.

Люди, они такие люди…

Историю Антония знала, хотя и не с официальных позиций.

Лет пятьсот тому назад астилийцы, как и многие, приняли участие в освоении новых территорий. Да, вот так.

Есть корабли, есть ветер, даешь новые континенты!

Начали-то эдорийцы, но где теперь та Эдория? Остатки поглотили Вандер и Эсклот.

А дело было так.

Когда открыли новый континент, на континенте старом весьма этому обрадовались.

Новые земли! Деньги! Люди! Налоги!!!

Но что для этого надо? Конечно же, поставить все под свою руку! Своим указом верховный жрец поделил земли, кому что достанется, огласили указ… все отлично?

Не учли местное население.

Которое прекрасно жило на своем континенте, которому было, собственно, чихать на мнение пришельцев и на их указы, которому и на Бога чихать было – у него свои боги были.

И не просто так.

Что-то эти боги да значили.

Налийцы, так называли себя жители другого континента, сопротивлялись завоеванию. И весьма успешно. Но пришельцы были лучше развиты, у них было лучшее оружие, Эдория вообще слала войско за войском, давила, напирала, стремясь поглотить, проглотить как можно больше, собрать ценности – на алтари своим богам жители тех земель приносили изумруды и рубины… как тут устоять? Налийцы дрались отчаянно, но их было меньше, они были разобщены, да и предательство играло свою роль, и принесенные пришельцами болезни… А потом, когда поняли, что проигрывают…

Что-то они такое сделали. Магия? Да, до той поры магии, считай, не было. И церковь с ней серьезно боролась. Любой колдун, любая ведьма были обречены гореть на костре.

Так вот.

Верховный одро налийцев – не король, не жрец, но тот, к кому снисходят боги, тот, к чьим голосам они прислушиваются,*воззвал*.

И его услышали.

Наверное, так часто бывает. Долорес рассказывала девочке то, о чем говорили деревенские ведьмы. А эта публика многое передает из уст в уста, не доверяя книгам. Слишком уж лжива бумага. Слишком легко она горит…

Долорес рассказывала, что одро не вмешивался ни во что. Не имел такого права. Но эдорийцы в какой-то миг перешагнули черту. И в храм, в котором он находился, вторглись

солдаты. Ворвались, словно дикие звери, чтобы уничтожить спасающихся там детей и женщин.

Может ли стерпеть такое человек?

Если он человек – не может. А если он – одро?

Тот, кого слышат боги?

Он воззвал – и ему ответили.

Боги услышали свою паству, и все, кто находился на старом континенте, увидели в небесах лик громадного змея. Страшного.

Жуткого.

–Вы хотели получить земли. Вы их получите.

Вы хотели получить золото. Вы его получите.

И платой станут жизни тех, кто проливает кровь моих детей. Их жизни – и все связанные! Да будет так!

Может, он имел в виду нечто другое.

Может – нет. Но то, что случилось…

Во-первых, единовременно умерли около миллиона человек на Старом континенте. И сколько-то на новом.

Те, кто ушли туда воевать – умерли все. И умерли те, кто был связан с ними кровью. Родители. Дети. Братья и сестры… по счастью – до второго поколения, а то бы вообще континент вымер. Эдория, считай, и вымерла.

Во-вторых, на новом континенте не осталось ни одного налийца. Они куда-то ушли.

Ушли сами, судя по тому, что и храмов не осталось, и ничего не осталось – с дирижаблей это смогли разглядеть точ-

но. Тогда их еще могли поднять в воздух.

В-третьих, новый континент каким-то чудом очутился через небольшой пролив от старого. И завелась на нем такая дрянь…

Если бы не пролив – точно бы все вымерли к бесовой матери еще в первые сто лет! А так…

Человек – существо, приспосабливающееся к любым условиям.

Тем более что в мире появилась магия. Два источника, два потока, если их можно так назвать. Светлый и темный.

Светлая магия, как легко догадаться, была целительской. Вот с целительством получалось просто замечательно. А дальше… пока придумали, как преобразовать магическую энергию в механическую, пока догадались, как с ее помощью облегчить себе жизнь… понятное дело! Вот ты создал молнию.

А на фига? Что с ней дальше-то делать? В землю бухнуть? Да со всей дури, чтобы ошметки в разные стороны полетели? Очень полезно…

Вода… тут лучше, конечно, водопровод штука полезная. Но ведь не посадишь же мага в этот водопровод постоянно. Так что целительство, артефакторика, зарядка артефактов – да, безусловно. Светлый поток ни дня не сидел без работы.

И темный поток.

Сначала было церковь вякнула.

Потом там нашелся умный человек, имя которого сейчас

частенько поминают в молитвах. Есть такое ответвление – боевые монахи.

Живут себе люди, сражаются с разной нечистью, а нечисти принялось много вылезать, никакого серебра не хватало… на новом континенте оно точно было! Золото, серебро, драгоценные камни… но ты поди, доберись! Вот их главой и был избран смиренный брат Томмазо из Астилии.

И достижений у него было много.

Именно брат Томмазо останавливал прорывы, именно он боролся с сектой Запретных, именно он остановил лхамаари…

Вот, в том бою и случилось…

Темный источник отлично помогает против темных же тварей. Когда прорывались к гнезду, были ранены все – и братья, и их предводитель… а в гнезде обнаружили нескольких детей. Любят эти твари человеческое мясо. Понежнее…

И даже вытащить малышню было некогда… отбиваться не успевали.

Дар открылся у одной из девочек. Хлобыстнуло так – лхамаари полегли, где стояли. Монахи были серьезно потрепаны, но и сами спаслись, и детей вытащили. А девочка…

Раньше бы ее сожгли.

Сейчас же…

Брат Томмазо грохнул кулаком по столу и сказал – учить надо! Такие способности, да не использовать?! А вы не враги ли, часом?

Так и появилась первая ведьма.

И первая боевая сестра.

Не все некроманты посвящали себя Богу, случались и такие, что пытались приручить нечисть к собственной выгоде, впадали в ересь… да много чего бывало.

Но Лассара веками стояли на службе короны. И предателей среди них не было.

А все равно – страшно.

Носителей темного источника проверяли вдвое чаще – им же проще обернуться ко злу, правда?! Не притесняли лишний раз, но приглядывали. Пусть и доброжелательно.

И это пугало. Так что в храм Антония входила с определенной настороженностью. Оглядывалась по сторонам, но ничего такого в нем не было.

Сводчатые потолки, расписанные фресками стены, Творец всего сущего, его святые…

Вот икона брата Томмазо.

Как живой… седые волосы, яркие темные глаза, черные брови, орлиный нос. Почему он?

Знак. Белая ряса – и на ней знак раскрытой окровавленной ладони. По преданию, когда творец спускался в мир, над ним решили подшутить – и протянули ему раскаленный гвоздь. Творец послушно взял его. А когда спросили: больно? Творец раскрыл ладонь, обожженную и кровоточащую, и сказал, что это – не боль. А вот сердце его за людей болит сильнее. С тех пор символ Храма – раскрытая ладонь, обаг-

ренная кровью.

А вот и…

Монах, который подошел к ним, был просто картинным священником. Иначе и не скажешь.

Белейшая сутана, седые волосы, падающие на плечи и спорящие с ней белизной, седая же борода, черные брови – и умный серьезный взгляд карих глаз. Кажется, это просто маска. Вроде как шулер иногда и таном представится, и пиджак с золотыми пуговицами наденет.

Вот и здесь.

Все видят белейшие одежды и участливую улыбку.

А что под ними?

Что внутри?

Антония решила глубоко не заглядывать. Целее будет. И преклонила колени, как полагается.

– Благословите, отче.

– Да пребудет Творец в твоей душе, дитя, – и уже ритане Розалии: – Я ежедневно молюсь за вашу семью, чадо. Все ли у вас благополучно?

– Отче Анхель, ко мне приехала племянница… к моему мужу, – чуточку скомкала рассказ ритана. Волнуется. – Я бы хотела, чтобы вы, с вашим опытом, с вашим умом, поговорили с девочкой. Антония, это отец Анхель. Отец Анхель, это Антония Даэлис Лассара.

– Лассара?

– Да, темный источник, – согласилась ритана Розалия.

Антония смотрела в пространство.

Не знаешь, что делать?

Не делай ничего!

– Что ж. Пойдем, дитя, я приму у тебя исповедь. Кто твой духовник?

– У меня его нет, – безразлично ответила Антония.

Интересно, сколько Араконы отваливают на храм, что ради них такие представления устраивают?

– Почему?

– Потому что моему отцу стало не до церкви, – тон Антонии оставался таким же ровным и невыразительным. – Когда умерла моя мать, он… заливал горе вином.

Как же не хочется это произносить. Больно!

Но – подавитесь, стервятники!

Антония отлично понимала, что никто ее из церкви просто так не выпустит, не рассмотрев, как интересную зверушку, не потыкав палочкой, не потормошив, и решила приоткрыть створки. Ни к чему ей интерес столь серьезной организации.

С церковью дружить надо. Особенно некромантам…

– Горестно слышать это. Последний потомок рода Лассара – и такое…

– Мой отец – не урожденный Лассара. Он принял эту фамилию ради моей матери.

Скажи еще, что ты об этом не слышал! Вся столица год гудела!

Священник не стал разыгрывать неведение.

– Да, прости, чадо. Это было давно, и подробности вылетели из моей памяти. Что ж, я буду рад исповедовать тебя. Ритана Розалия, вы…

– Я подожду здесь, отец. С вашего позволения.

– Да, конечно.

Полумрак исповедальни.

– Творец да пребудет в твоем сердце, дитя мое. Исповедуйся искренне и открывай свои грехи без страха – они останутся между тобой и Им.

– Да, отче.

Антония и отродясь не знала, что говорить. Поэтому священник мягко поправил ее.

– Правильнее отвечать так. Моя последняя исповедь была… когда?

Антония задумалась.

– Наверное, лет десять назад… или больше? Я не помню, отче. Простите.

– Правильно говорить так. Моя последняя исповедь была тогда-то. И у меня накопились грехи. А теперь можешь перечислять их.

– Мне сложно сказать, какие у меня были грехи. Наверное, они были, отче. Может, вы будете спрашивать, а я отвечать? Отец действительно не водил меня в храм. Ему было слишком больно, когда Творец забрал маму и братика.

– Ваш приходской священник не пытался с ним побесе-

довать?

Антония фыркнула. В исповедальне звук получился откровенно издевательским, ну так что же!

– Отче, мы – Лассара. И отношение к нашей семье… особое. Нас никогда не звали в храм, приходской священник опасался, что мы распугаем ему паству.

– Это грустно слышать, чадо. Тогда давай я буду спрашивать, а ты отвечай.

– Да, отче.

– Веришь ли ты в Творца, чадо?

– Безусловно.

– Творишь ли молитву ежедневно, с благодарностью…

– Нет, отче. Я верую, но молюсь редко.

– Не страдаешь ли ты грехом уныния, чадо?

– Регулярно, – призналась Антония. – Как мама умерла, так все и стало плохо… и сделать ничего нельзя. Когда такое случается, а папа начал словно нарочно убивать себя… мне было очень плохо.

– Обычно мы спрашиваем про ереси, про леность в молитве, про любовь к земному более, чем к небесному, чадо. Но здесь и сейчас спрашивать об этом бессмысленно. Это я рассказываю тебе на будущее.

– Благодарю вас, отче.

– Лассара всегда были верны короне. И церковь никогда не имела к ним претензий. Мне бы хотелось, чтобы так и оставалось впредь.

– Мне бы тоже, отче.

– Тогда продолжим. Допускала ли ты грех человекоугодия? Льстила, преклонялась, лгала, подличала, пресмыкалась перед человеком…

Антония задумалась.

– Наверное, нет. Вежливо себя вела. Старалась хотя бы. Пыталась не раздражать тетю и дядю, это верно. Но не пресмыкалась… хотя со стороны виднее.

– Я спрошу об этом у твоей тети. Любишь ли ты Творца превыше всего? Благодарна ли ты ему?

– Не знаю… любовь – это сложно. Отец из любви разрушил и себя, и мою жизнь… я не уверена, что хочу такую любовь.

– Творец никогда тебя не предаст, чадо.

Но и не поможет.

Слова так и повисли в воздухе, но вслух сказаны не были. Вместо этого Антония вздохнула.

– Грешна, отче.

– Понимаю… и не стану спрашивать о грехе неблагодарности Творцу. Не впадаешь ли ты в грех гордости или честолюбия?

– Было бы чем гордиться, отче, – горестно откликнулась Антония. – Выжить бы…

– Роптала ли ты на Творца в тяжкие минуты?

– Грешна, отче.

– Совершала ли ты грех клятвопреступления?

– Нет, отче. Такого точно не было. Я вообще никому не клялась и слова не давала.

– Уважаешь ли ты Храм, его святыни, праздники?

– Отче, сложно уважать или не уважать то, чего нет в твоей жизни. Как-то не получается у нас с Храмом…

– Понятно… тогда это пропустим. Не согрешила ли темными чарами?

– Вообще ни разу не пробовала, – призналась Антония. – То есть пробовала, не получилось, но это давно еще было, ну и бросила это дело. Наверное, у меня дар непроявленный, как у мамы. Ты тоже Лассара, но магией вообще не владела.

– Понятно… ты никого не убивала, чадо?

– Животных… живя в деревне, иначе не получится.

– Это не в счет. Но не людей.

– Нет! Отче, вы что?!

– Это вопрос, Антония. И не все на него так отвечают, как можешь ответить ты. Уж поверь.

– Простите, отче. Я не сообразила.

– Ничего страшного, так бывает. Помогаешь ли ты своим близким, участвуешь ли в их жизни…

– У меня нет близких. Отца похоронили.

– Не стремилась ли ты оборвать свою жизнь?

– Нет. Жить хочется.

– Не согрешила ли ты блудом? Плотской грязью?

– Я девушка, отче.

– Нечистыми помыслами?

– В деревне поневоле знаешь, откуда дети берутся, – усмехнулась Антония. – Но чтобы я… вот так… фу! Гадость!

Ей показалось – или святой отец тоже тихонько фыркнул?

– Не осквернила ли ты себя грехом воровства?

– Нет.

– Грехом мошенничества?

– Тоже нет, отче.

– Я выслушал твою исповедь, чадо.

– И?.. Я что-то должна сказать?

– Нет. Я должен наложить на тебя покаяние.

– И… как это должно выглядеть?

– Обычно человек должен сделать что-то для Творца, чтобы тот убедился в искренности его слов.

– Полы в храме помыть?

Короткий смешок в темноте исповедальни.

– Не так буквально, чадо. Твоим искуплением будет постижение того, что ты не узнала в детские годы. Я скажу об этом твоей тетушке и дам тебе несколько священных книг. Ты должна будешь их прочитать.

– И пересказать вам?

– Нет. Это не обязательно. Ты читаешь их не для меня, а для Творца. Это между Ним и тобой. Мне можно солгать, а Ему?

А Он меня ни о чем не спрашивал, – сердито подумала Тони.

– А нужно? Я прочитаю эти книги, если так… правильно.

– Конечно, правильно. Ты будешь жить в столице, ты будешь ходить в храм. Тебе это пригодится.

– Благодарю, отче.

– Словом и силой Творца, я отпускаю тебе твои грехи, чадо. Ты можешь идти, Антония, но я надеюсь видеть тебя в храме.

– Я… постараюсь, отче.

Девушка вышла.

Священник задумчиво посмотрел на сплетение виноградных лоз на решетке. В этом переплете были укреплены кристаллы, которые сигнализировали, искренен ли отвечающий.

Девушка не лгала. Пару раз недоговаривала, но это естественно.

Но – не лгала. Это хорошо.

Интересная девушка. Да и род Лассара… пожалуй, храм примет в ней участие.

Антония не знала, что сказал святой отец ритане Розалии. Но по выходе из храма тетушка посмотрела на нее более приветливо.

– Что ж, Антония. Теперь мы можем ехать домой.

Антония кивнула.

Ее руки отягощали три тяжеленные книги. «Молитвенник на каждый день», «Как вести себя в храме», «Посты, праздники, обычаи, ритуалы».

Отец Анхель оказался действительно умным человеком.

Он дал девушке именно то, что ей было необходимо. Не абстрактный набор рассказов, а сборники с конкретными указаниями.

Как, когда, зачем, для чего…

Пожалуй, Антония будет ходить в храм даже с удовольствием. Это с дураками разговаривать тяжко. А с умным человеком – наоборот. А еще интересно – был бы отец Анхель так же благодушно настроен, не будь она – Лассара? Почему-то Антонии казалось, что эти два фактора взаимосвязаны.

Странно, правда?

В доме Араконов ее ждали две девушки в гостиной и шесть платьев.

М-да…

Нельзя сказать, что они были щедры. Но и что собрали вовсе уж потенциальные половые тряпки – тоже.

Паулина расщедрилась на три платья, но расцветки… палевая, темно-желтая и бледно-бледно-розовая попросту были не к лицу Антонии. Зато фасон был достаточно модным. Узкая юбка, лиф, скроенный так, чтобы подчеркивать грудь, модный квадратный вырез, три пояса к платьям. Было видно, что платья не из лучших, но и не из худших. И даже если они отобраны по принципу – на тебе, что мне не в цвет… ну так что же?

Нищим выбирать не приходится.

Альба расщедрилась на три платья, но разных фасонов.

Юбка-клеш, рукава фонариком, светло-зеленый цвет, юбка-клеш, рукава с буфами, темно-синий цвет, и один костюм. Прямая длинная юбка, пиджак, блузка. Светло-серый.

– Я в нем выгляжу ужасно, – честно пояснила Альба. – Сливаюсь со стеной. А у Антонии глаза светлые, ей может подойти.

– Да, пожалуй, – согласилась ритана Розалия. – Девочки, вы умницы. И платья я вам обязательно закажу.

– Огромное вам спасибо, – тихо произнесла Антония. – Я очень благодарна… и за помощь, и за внимание…

Она действительно была благодарна.

Ее могли выгнать, могли не заниматься ее проблемами, могли… да много чего могли и сделать, и не сделать.

Вместо этого ее приютили, с ней возятся, а что намного меньше, чем с родными дочками… и что? Вы бы так же отнеслись к племяннице, которая свалилась вам на голову? Да еще которую вы ни разу в жизни не видели? Да и расстался ее отец с семьей не лучшим образом…

Антония могла оценить ситуацию правильно.

Ее не любили. Но делали, что должно. А мало это или много?

Время покажет!

* * *

Статуя Ла Муэрте утопала в цветах. Белых, чистых…

С неба бледным глазом смотрела полная луна. Смотрела и любовалась. Белизна цветов, белизна одежд, белая улыбка оскаленного черепа… улыбка смерти.

Кто-то сказал, что поклонение смерти обязательно сопряжено с кровью? Жертвами?

Но зачем?

Рано или поздно к Ней придут все. Так стоит ли отдавать часть там, где рано или поздно будет – всё? Вот и идут паломники, вот и несут то, что Ей может быть приятно.

Цветы смерти.

Асфодели.

Бывают иные жертвы, бывают. Но всегда добровольные. И не сегодня, о нет. Сегодня обычное богослужение, пришли те, кто сам захотел.

Пришли спокойно, ничего не опасаясь.

Церковь?

Они в курсе.

Не одобряют, но и не запрещают. Знают, что часть прихожан оказывают почтение и Ей, но также отлично знают, и что происходит на богослужениях. Предпочитают держать всех смутьянов в одном месте и под своим благожелательным присмотром. Ереси будут всегда, равно как и культы. Проще следить с самого начала, чем потом разгребать последствия. Несколько священников всегда приходят, и жрецу иногда кажется, что не просто так.

Они приходят не только контролировать.

Они приходят к Ней.

Богослужение простое.

Нет ни молитв, ни псалмов – к чему? Каждый молится в своем сердце.

Есть только дешевенькие лучинки, которые горят в темноте, и цветы. Возложи цветок, зажги лучинку – и жди.

Она догорит и погаснет. А ты можешь в это время молиться.

Что делает верховный жрец?

В каком-то смысле направляет мероприятие. Зажигает огонь в чаше, готовит алтарь, на который возлагаются цветы, первым опускается на одно колено… это – тоже различие. Во время официального богослужения все сидят и слушают священника.

Ла Муэрте не нужны долгие богослужения.

Ее помнят. Этого достаточно.

На всех присутствующих – белые плащи с широкими капюшонами. Не балахоны, нет… выглядит это впечатляюще.

Статуя с любовью смотрит на своих детей. Выглядит она, как скелет, одетый в подвенечное платье. Вечная Невеста.

Ла Муэрте.

Но разговор начался потом, когда жрец остался с самыми доверенными людьми, у алтаря.

Убрать остатки лучинок, сложить цветы, закрыть пещеру – благодаря противовесам широкий камень уверенно закрывает вход к статуе. Она откроется верующим только в следу-

ющее полнолуние.

– Сегодня одной из сестер было видение. В наш город придет Ее дочь.

– Ее дочь?

– Девушка, которая приближена к Ней. Ей угрожает опасность.

– Как ее зовут?

– Неизвестно.

– Где ее можно найти?:

– Тоже неизвестно.

– Мы что-то должны делать?

– Этого в видении не было. Она придет. Пока это всё.

– Что ж. Тогда подождем Ее слова. Но если это будет Ее дочь – она обязательно найдет дорогу сюда. Рано или поздно.

С этим были согласны все присутствующие.

Придет.

Как она узнает? Как ее узнают?

Ла Муэрте подаст свой знак. Просто так Она видений не посылает и с верующими не говорит. А опасность…

Будет видно. Жрецы не боялись. Опасность? Тем хуже для опасности. Они подождут знака[1].

---

[1] Культ Санта Муэрте реально существует в Мексике. Правда, там он считается сатанинским. В этой реальности к нему относятся чуточку лояльнее. – *Прим. авт.*

Глава 3

Идею с работой Антония не оставила.

Но для начала решила изучить книги, которые ей выдали в храме. Программу для нее тетушка уже сообщила.

На завтра она с девочками едет к портнихе. Антония там не нужна, несколько аксессуаров и без нее прикупят. Сумочку, туфельки. Белье?

Антонии вменилось в обязанность выдать тетушке пару своего белья, а ей подберут по размеру. Подходящее.

Антония поняла все правильно.

Сплетни разносятся быстро, поэтому тетушка не желает спешить. Сначала она убедится, что племянница умеет себя вести, не опозорит ее при людях, а уж потом…

Лавки – это не только место покупок. Это еще и место встреч, обмена новостями, место… место пристрелки, если хотите! А за себя и дочек тетушка была спокойна, а что Антония? Не растеряется ли она под обстрелом? Не дрогнет ли от яда, который льется с гадючьих дамских языков?

Не говоря уж о ее внешнем виде. Да, приличные платья ей выдали, но их еще подогнать надо. Пока служанки с этим справятся… Да и внешность… м-да. Слово «маникюр» вы слышали, ритана?

Нет, это не когда вас куда-то заманивают. Ладно, до ухоженности и холености девочек вам не дойти, но хоть на че-

ловека походить-то надо!

Пройдет слух, что у Араконов племянница вообще нищая…

Ладно еще – доктор! Ладно – священник! Этим мужчинам все показывают. А вот остальным – не надо. Но чтобы день у девушки не прошел даром, ей выдали книгу по этикету. И пообещали пригласить куафера. Разумеется, не абы какого, а самого мастера Доменико!

Пользоваться услугами кого-то другого?

Простите, но Араконы не могут себе этого позволить! Положение диктует! И иногда – достаточно жестко. Они просто не могут вызвать к племяннице абы кого.

Почему? Все равно же все дома, никто не узнает… ошибаетесь!

Узнают те, кто всегда рядом с вами. Узнает прислуга. И разнесет вести по всем домам. Сейчас Розалия зарабатывала себе репутацию с помощью Тони. По сути…

Да, вы знаете, когда Даэрон ее бросил, это была трагедия для девушки. Но вот, прошли годы, судьба покарала негодяя – и посмотрите на Розалию! Она помогает его дочери! Так благородно! Так восхитительно порядочно! Купеческая дочь?

Да какая дворянка на ее месте поступила бы так!

Впрямую Розалия об этом не говорила. Но намеки прослеживались. Тони протестовать не стала. И около девяти утра, когда все только позавтракали, была атакована «твор-

цом причесок».

– Где она?! Ну же, покажите мне эту ритану!

В гостиную Тони входила с определенной опаской, и не зря. При виде ее невысокий кругленький человечек, сидевший в большом кресле, буквально выкатился из него, воздел руки к небу и возопил так, что недоуменно качнулась люстра:

– Творец Единый!!! Девочка, кто тебя так изуродовал?!

Антония только и смогла, что открыть рот. Потом закрыла его – и продолжила слушать, справедливо подозревая, что ее мнение «художника расчески и щипцов» вообще не заинтересует.

Никак.

А тем временем выяснялись неприятные истины.

Волосы – хорошие, но ужасно запущены.

Руки – хорошие, но ужасно запущены.

Лицо – неплохое, но ужасно запущено… короче, вот вам лопух, и как хотите из него розу, так и вырезайте! А это ранит нежную душу настоящего маэстро.

Он страдает!

Его – его! – заставляют заниматься бог весть кем! Еще бы крокодила подсунули и приказали из него белую кошечку сделать!

Впрочем, причитать он причитал, но и времени не терял даром. Из объемистого саквояжа появлялись странные инструменты, баночки, коробочки, раскладывались на туалет-

ном столике, Антонию усадили на табуретку, завернули в простыню – и началось!

Что-то мазали.

Смывали.

Щелкали ножницы, причем не одни, а как бы не полдюжины, резко и едко пахло какой-то гадостью, на лицо намазали страшноватую зеленую субстанцию, которая щипала так, словно проела кожу до мяса…

О руках Антония вообще думать не хотела. Только надеялась, что они у нее еще остались. Но вроде как перчатки что-то заполняло. А пекло и горело под ними…

Магия сильно помогала при изготовлении косметических снадобий. С ними и из чудовища можно было пристойного сеньора сделать.

Правда, стоило это достаточно дорого, но… но тут была своя тонкость.

Когда Адан породнился с родом Мондиго, он не прогадал. Мондиго занимались в том числе и поставками трав… а куда в нелегком парикмахерском труде без них?

Никуда…

Поэтому для тана Адана всегда делалась существенная скидка. В расчете на травы «для своих». Посвежее, покачественнее, или – на их отсутствие для конкурентов. Дело-то житейское.

Антония об этом не знала. Молчала, ожидала результата.

– Вот так! – наконец кивнул мастер. И потер руки.

Ответом ему стал восхищенный мужской голос:

– Творец единый! Мастер, вы волшебник!

– Да, и уже не в первом поколении. Но здесь моя магия не требуется, я всего лишь применял косметику, тан.

Тан Адан восхищенно разглядывал свою племянницу.

Да, вот что ухоженность с человеком делает!

Волосы, как и прежде, черные. Но раньше это было лохмы, а сейчас – локоны. И овал лица появился, и скулы выделились…

Поменяли форму бровей – и глаза стали больше. Подкрасили реснички, которые выгорели на солнце, и оказалось, что они и длинные, и густые. Убрали с кожи многолетний загар, и обнаружилось, что Антония – не смуглая, а белокожая. Словно ее рисовой пудрой осыпали с ног до головы. И глаза уже не такие бесцветные, они красиво оттеняются черными ресницами и похожи на два горных озера.

А ведь действительно – никакой магии. Тан Адан знал, как приукрашивают женщин – живя в доме с двумя девушками на выданье, странно было бы не узнать о таком. И с Паулиной много чего проделывали.

А с Антонией – нет. Там данные были от природы… и она действительно сильно похожа на Даэлис. Только волосы черные, а Даэлис была светлой, почти пепельной блондинкой.

– Да ты красавица, девочка!

Антония подняла брови.

– Я?

– Мастер, вы ей еще зеркало не давали?

– Пока – нет.

– Боюсь, что вы сейчас нажили себе врага, в лице моей супруги. Антония так похорошела, что может стать серьезной конкуренткой нашим дочкам, – тан Адан говорил вроде бы в шутку, но Антония поняла, что под смехом скрывалась и доля беспокойства. И нахмурилась.

– Я этого не хочу. Может быть… есть какой-то способ?

– Уродовать мою работу?! – вознегодовал мастер.

Но возмущенные дамы в клиентках ему тоже нужны не были. Поэтому двое мужчин и девушка переглянулись заговорщиками. И мастер достал из саквояжа несколько склянок.

– Антония посмотритесь сейчас на себя в зеркало.

Девушка послушалась.

Не веря, коснулась серебряного ободка…

– Это – я?

– Да. И вы такой можете быть сколько вам будет угодно.

– Ох…

– А теперь – приступим к камуфляжу. Я затратил много сил и магии, чтобы отчистить вашу кожу, поэтому сильно уродовать вас мы не будем. Но… вот, смотрите.

Ватка была смочена раствором, и мастер провел ей по щеке Антонии.

– Ой!

Нежная кожа на глазах покрывалась россыпью красных

мелких прыщиков.

– Но я же…

– Правильно. Ты ничего и не должна чувствовать, это просто камуфляж.

– Поняла. А убрать?

– Умоешься. Просто водой смоешь…

– А если дождь?

– Знаешь что, юная ритана, меньше претензий. Или не попадай под него, или носи флакон с собой… и вот этот тоже могу посоветовать.

Теперь прыщи перемежались с веснушками.

Антония грустно вздохнула.

Красоту терять не хотелось. Совсем. Но у нее оставались ухоженные руки, волосы, а это…

Плата за то, чтобы не раздражать тетку и двоюродных сестер. За то, чтобы дяде было комфортно.

Что ж, она потерпит.

– Дядя Адан, а когда кузины выйдут замуж, мне можно будет это не носить?

– Конечно. Я надеюсь Альбу выдать замуж уже в этом году. А Паулина, может, на следующий год выпорхнет из гнезда. Так что терпеть недолго.

Антония посмотрела благодарными глазами.

– Спасибо вам, дядя. Спасибо, мастер. Вы действительно – Мастер. Волшебник и кудесник.

Мастер улыбался.

А что тут скажешь? Все ясно.

Вернувшиеся к обеду дамы осмотрели лицо Антонии, и тетушка поджала губы.

– Мне казалось, у тебя вот этого… не было.

– К сожалению, у меня оказалась аллергия на снадобье, – потупила глаза Антония. – А веснушки… просто их не видно было под загаром.

– Что ж, так бывает. Смотрится, конечно, ужасно…

– Простите, тетушка Розалия, что разочаровала вас, – потупила глаза Антония.

С другой стороны – все это было к лучшему. Замуж она не хотела, планы дяди и тети ее откровенно пугали… мало ли кто появится на горизонте?

Какой-нибудь старый, толстый, лысый, да еще с шестью детьми… выдадут ее за такого?

Запросто! Еще и благодетелями будут! Лучше уж побыть кошмаром всех мужчин. Но если она в таком виде кому понравится…

Это будет серьезным аргументом в пользу любого мужчины.

Даже старого, толстого, лысого и с шестью детьми.

– Ладно, – смирилась с неизбежностью ритана. – Волосы у тебя неплохие, глаза, опять же… платья что? Подогнали?

Антония об этом пока не спрашивала. Она честно читала выданные ей книги, пока было время и возможность. Вот об

этом и отчиталась.

Ритана кивнула уже чуть более одобрительно и позвала служанку. Оказалось, что два платья кое-как подогнали, но надо бы примерить…

Увы.

Все платья изумительно гармонировали с прыщиками на лице девушки.

– М-да, – подвела итог дама. – Показывать тебя людям придется. Но – это кошмар. Я поговорю с мастером Доменико.

Увы, мастер сказал примерно то же самое.

Прыщики со временем пройдут, все же у девушки темный источник, а у него – светлый. И может стать только хуже. Пока же… можно поискать косметолога с темным источником… нет?

Тогда просто подождать. Или воспользоваться простыми народными средствами, которые не содержат и капли магии.

Ритана Розалия закатила глаза, но махнула рукой.

Что подеэлать! И вообще, она и так уже многое сделала, с прыщами девчонка сама справится, рано или поздно. А пока и так поживет, ничего страшного!

Девушки тоже были довольны. Кому ж хочется иметь рядом с собой конкурентку?

Никому.

* * *

Второй день подряд Антония занималась самообразованием.

Честно прочла все книги, а потом подошла к дяде.

Тот подумал и карандашом отчеркнул те молитвы, которые ей надо бы выучить. Антония послушно принялась за учебу.

Если у тебя темный источник, лучше не пренебрегать хорошим отношением Церкви.

Молитвы ее просто… раздражали и злили, но что принято, то принято. А Долорес учила, что ведьме необходимо святости – втрое. Обычный человек может и в церковь не прийти, и пост прогулять…

Ведьма?

Никогда!

Мигом все припомнят, а что не припомнят, то придумают. Вот она, пока в городе жила, все выполняла. И Антонии очень советует, если та в столице будет жить.

Не то чтобы ей хотелось учить… или нравилось, или просто – легко училось. Но выбора-то не было! Вот и приходилось зазубривать, как детскую считалочку, слова, которые для нее ничего не означали.

А то ж!

Тексты молитв были на древнеронейском! А с ним у Ан-

тонии вообще никаких отношений не было. Ни хороших, ни плохих – кто бы ее учил?

Некому. Долорес его не знала, сеньор Хуан тоже… и кто?

Так что…

Ишалье, да авера, лос ласия…

Ыыыыыыы!

Не Ласия, а Пасия… а ведь придется запомнить! Статус Творца состоит из восьми больших и шестнадцати малых молитв, и их надо знать наизусть.

Тьфу!

Так что вечер четверга Антония восприняла на редкость спокойно. Хоть отдохнет, а то у нее от молитв уже почесуха начиналась. И была реальная опасность покрыться настоящими прыщами.

Большими.

С горошину!

Хорошо хоть какая-то отдушина была в лице Риты.

Пару дней назад, когда Антония сидела у себя в комнате и пыталась читать выданные ей книги, в дверь постучали.

– Разрешите войти, ритана?

– Да, пожалуйста.

Девушка, которая заглянула в дверь, была удивительно симпатичной. Темные волосы, скорее каштановые, чем черные, большие темно-серые глаза, румянец на нежных щечках.

– Ритана Антония, мне приказали ваши платья ушить.

Можно я с вас мерки сниму? Пожалуйста…

– Да, конечно, – согласилась Тони.

Слово за слово, там мерка, здесь шутка, а когда совершенно случайно Рита кольнула девушку булавкой, подкалывая платье, и получила в ответ не выговор, а утешение: «не горюй, от этого не помирают», и диалог наладился.

Рита была в курсе всего происходящего в доме. И решила поделиться с ританой.

Просто – пожалела, если честно говорить. Вот и решила рассказать, кто чем дышит и кто что слышит.

Семейство Риалон популярностью явно не пользовалось. Тетушка проговорилась, что хотела пригласить подруг, но те услышали о предполагаемой компании – и почему-то отказались приезжать. Так что за столом будет семейство Риалон – и семейство Аракон.

Тетушка грустила, девушки переглядывались.

Антония это видела, но решила не спрашивать, что, как и почему. У тетушки?

Ох, не хотелось….

А вот у Риты спросила, не удержалась. И служанка подсказала, понимая положение племянницы тана Адана.

Нелегко это – быть приживалкой.

У слуг проще, тут или уволят, или не уволят. Уйти тоже можно, хорошая прислуга без работы не останется. А вот приживалки…

Тут все намного сложнее и грустнее. Девчонку жалко, сра-

зу видно, хоть и из благородных, а денег нет. Когда есть – трусы не штопают… да еще так неумело. И чулки… хозяйка ей хоть и купила новое бельишко, да разве от слуг старое утаишь?

А может, сыграло роль и поведение лакея.

Да-да, того самого Романа, который откровенно бесил и раздражал Риту своими приставаниями. А тут хоть как-то гадкий надоеда да получил!

Разве плохо?

Рита рассчитывала, когда Антония чуток обживется, поговорить с ней о том заговоре. А вдруг повезет? И можно его еще на что наложить, не только на чемодан?

Полез негодяй к тебе в лиф, да и обсыпался язвами! Прелесть же! Как представишь, так картинка медом по сердцу!

Если б мужчины знали, как они иногда раздражают женщин! Не в шутку, не ради игры или набивания себе цены, а просто – всерьез. Иногда никаких денег не надо, лишь бы отстал, противный и липкий! Так ведь нет! Кого надо – не дождешься, кого не надо – не отгонишь. Жизнь…

Так что Рита приветливо улыбалась Антонии. И просветила.

– Тан Эрнесто Риалон – доктор мертвых. Темный источник, все такое… жуть, говорят, жуткая. А вот жена у него обычная, разве что из знати. Но дара у нее нет. Ни непроявленного, ни какого другого! И сын родился бездарным. Так что… для девочек партия вроде как и подходящая, но уж

очень тяжко рядом с его отцом рядом находиться.

– Разве?

– Вы-то, ритана, темный источник. Вам легче.

Антония вспомнила свои ощущения и пожала плечами.

– Возможно…

– Правду вам говорю! Вот посмотрите, кто и как себя во время ужина поведет!

– Вряд ли меня пригласят.

Рита пожала плечами.

Дело такое… ты в доме из милости, вот и отношение к тебе, как к нищенке. Оно понятно, у каждого по-разному бывает. Кто-то и любит такое! Есть пиявки, присосутся, так не оторвешь, и ноют, и вымазживают, и всю тебя с ног до головы медом облить и зализать готовы… есть.

А девчонка вроде и не такая. Рита в людях разбиралась, когда с двенадцати лет в прислуге, мигом понимать научишься.

Девчонка гордая.

Ей и милостыню просить не хочется, и не пришла б она сюда. Но…

Свое положение Антония отлично понимала.

Отцу хоть какая пенсия шла, как бывшему военному, а ей?

Ей ничего не дадут. Денег нет? Жить не на что. В глуши…

Нет, она бы там не выжила, в замке, одна… другое дело – столица. Тут можно и зацепиться попробовать, и рыбку по-

ловить.

Расчетливо?

Так что же? На земле живем.

Бедная сиротка?

Да, бедная. Но с умом и определенной расчетливостью. Не говоря уж о темном потоке.

Замок Лассара, земли Лассара, последний потомок рода некромантов…

С точки зрения Риты, все было правильно. Куда еще и податься, как не в столицу? Авось, не выпрут вон… и ведь не выперли же! Хоть и кривятся…

Кто все знает о хозяевах?

Так слуги же! Слуги!!!

И где бывают оные хозяева, и сколько зарабатывают, и спят ли вместе или врозь, и не только спят… все прислуга знает. И может рассказать любому заинтересованному.

К примеру, Антонии.

Рита рассказывала.

Антония слушала. И запоминала.

Ей тяжело придется в столице, но… наверное, это лучше, чем дома. Там все же страшновато.

К четвергу у нее было готово платье. Желтое. Цвет, конечно, девушку убивал, но – какая разница? Антония даже рада была этому. Замуж?!

Она?!

Отбивать кавалеров у сестер?!

Нет! И снова – нет!!!

Девушка тенью скользила по особняку, а на взгляды ританы Розалии отвечала своими. Серьезными и честными. Она не хотела зла этим людям. Да, они ее не любят. Но свой долг они исполняют. Как его понимают. И хотя бы за это стоит их уважать и ценить. Сколько у нас народа, которому на все плевать?

Много, то-то и оно. А тут – приняли, делают необходимый минимум… для себя Антония решила, что отплатит добром за добро.

Хотя бы постарается.

– Нам надо серьезно поговорить!

Альба и Паулина подкараулили Антонию после ужина и буквально втолкнули в комнату. Неизвестно, чего они ждали, но девушка только кивнула.

– Надо. Дверь стулом подоприте, чтобы никто не помешал.

– Чего? – удивилась Паулина.

Антония молча подошла и сама подперла дверь. До щеколды дело еще не дошло, а мало ли кто сюда войдет?

– Если хотите говорить о чем-то серьезном, предлагаю уйти в ванную. Комната крохотная, в коридоре нас прекрасно будет слышно.

– С чего это ты такая умненькая, – прищурилась Альба.

– Мне скандалы ни к чему, – отрезала Антония. – А вам?

Альба сдалась первая и под пристальным взглядом Антонии прошла в крохотную ванную комнату. За ней туда же вошла Антония. Паулина встала в дверном проеме.

– Поговорим? – предложила Альба.

– Слушаю, – решила не обострять Антония.

– Чего ты хочешь?

Кривить душой девушка не стала.

– Устроиться в жизни. Сама понимаешь, в провинции, в заброшенном замке у меня шансов никаких. Ни на достойную жизнь, ни на нормальное замужество. Поэтому решила ехать в столицу. Если найду работу – попробую снимать комнату и жить самостоятельно.

– Так родители тебе и дали!

Антония пожала плечами.

– Не попробуешь – не узнаешь.

– Это верно, – Альба была лидером, потому и разговор вела именно она. – Учти – будешь у меня или у Паулы мужчин отбивать, пожалеешь, что на свет родилась.

Антония покачала головой.

– Альба… если не возражаешь, я буду называть тебя именно так. Ты посмотри на себя – и на меня?

Все верно, в естественном виде Альба кузину так и не увидела, а прыщи и веснушки человека не красят. Так что красотка сморщила нос и фыркнула.

– И кому это мешало прыгать в постель к мужчине?

– И кому из мужчин это мешало бросить женщину? – па-

рировала Антония, отбрасывая вежливость в сторону. – Подумай сама! У меня ни приданого, ни знатной семьи… Ласcара, это конечно, род! Но ты много мужчин знаешь, которые захотят жениться на женщине с темным источником?

– Ну…

– Мужчины-то пару себе найти не могут! В моем положении если на кого и рассчитывать, то на старика, или вдовца с детьми… тебя такие интересуют? Или Паулину?

Альба хмыкнула.

– Ну, рассуждаешь-то ты здраво.

– Когда денег нет, быстро думать учишься.

– А у тебя их нет. А будешь пакостить – мигом отсюда вылетишь! Я это устрою.

– Не буду, – спокойно ответила Антония. – У меня другие планы.

– Я тебя предупредила.

– А я повторю – у меня другие планы, Альба Инес. Я не стану рисковать своим будущим из-за мужчин. Мне нужно устроиться в жизни, а не сдохнуть в сточной канаве с внебрачным ребенком на руках. И я свое место знаю.

– Вот и знай.

Несколько минут Альба и Антония мерились взглядами.

Потом Альба резко вышла из ванной – и потянула за собой Паулину.

– Пойдем, Паула. Я думаю, всем всё понятно.

Антония кивнула.

Понятно, конечно.

Творец единый, какое ж это детство! Босоногое, сопливое, незамутненное… она уже в двенадцать лет была старше, чем эти девочки в свои восемнадцать и шестнадцать. И ничего удивительного – она бы иначе не выжила.

А эти…

Если бы они знали, как им хорошо живется под крылом у родителей!

Если бы понимали, насколько счастливы…

Только обычно об этом никто не задумывается, пока жизнь носом об забор не приложит. А жаль. Антония искренне надеялась, что этим девочкам повезет. И все у них в жизни сложится хорошо.

Не страшно жить в хрустальном замке. Страшно, когда его разбивают на осколочки.

В четверг ритана Розалия была расстроена и огорчена. Все же ей было тяжело. Ни крови, ни магии, ни наследования, а рядом – человек с темным источником. Антония колебалась какое-то время, но после обеда все же решилась. Чай, не секрет. Выбрала момент, осталась наедине с теткой – и выпалила, словно в воду бросалась. Да так и было, в каком-то смысле.

– Ритана Розалия, вы мне минуту не уделите?

– Да, Антония?

– Простите, что лезу не в свое дело. Вы так расстроены

из-за тана Эрнесто?

– Какая тебе разница?

– Я видела, вам тяжело в его присутствии. И могу помочь.

– И как же?

Антония вздохнула.

– Ритана Розалия, я ведь тоже – темный источник. Но рядом со мной вам не так сложно…

– Верно. Но я полагала, это потому, что ты – непроявленный маг, а он – активный?

– Не совсем, – Антония вздохнула еще раз. Но рано или поздно это откроется, от магов такое вообще не спрятать. А потому… – Вот, возьмите.

Перед лицом ританы закачался небольшой мешочек. Саше с травами.

– Что это такое?

– Если это будет на вас, присутствие темного мага вас тяготить не будет. Ну… хотя бы не так.

– Я спросила не об этом, – лязгнул металл в голосе ританы.

– Это заговоренные травы. Одна из наших арендаторов, Долорес, деревенская ведьма. Она их сама собирает, смешивает и наговаривает.

– Зачем?

– Она еще моего деда знала. Вот он тогда рецептом и поделился, – грустно улыбнулась Антония. – Как старуха сказала, общаться с ним было невероятно сложно. Он просто…

уничтожал всех окружающих. Не убивал, но подавлял, притягивал самые дурные мысли…

– И?

– Она была молода, он был молод. А как тут пообщаешься с девушкой, если она от тебя за тридевять земель удрать готова?

Ритана Розалия определенно заинтересовалась.

– Это темная магия?

Антония пожала плечами.

– Ритана Розалия, хотите – завтра это саше в храм отнесите. Хотите – траву из него заварите, только не всю, я отвар выпью. Да что хотите могу с ним сделать. Это безвредно, просто на вас так давить не будет. Это соль, зверобой, ромашка, полынь, крапива, верба, шалфей, лаванда, чертополох и желтый глаз… там девять трав, все это сушится, измельчается, кладется на год под порог храма, чтобы силу набрало, потом наговаривается, только обязательно темной ведьмой…

– Такие сложности?

– Вот поэтому и не получило распространения.

– А ты?

– А я Лассара. У нас же все такие, род такой. Потому и придумали… ну что поделать? Если нас тянет не к темным, а к кому-то другому?

Ритана Розалия помрачнела, вспоминая свой опыт. Но ладанку взяла.

– Хорошо. Сегодня я попробую, а завтра обязательно схожу в храм. И ты пойдешь со мной.

– Да, ритана Розалия.

– И мужу я об этом расскажу.

– Вам решать, кому и когда рассказывать, – безразлично отозвалась девушка. – Я могу кровью поклясться, что не хотела причинить вам вреда. И что эти травы именно, чтобы ослабить давление темного источника.

– А ты тоже носишь что-то такое?

Антония кивнула. И оттянула воротник платья, вытаскивая такое же саше на веревочке.

– Если носить на теле, оно лучше действует.

– Хм… хорошо. Но завтра – в храм. Почему ты первый раз об этом не сказала?

– Меня не спрашивали. Потом я увидела, как вы реагируете на тана Эрнесто. Потом расспросила прислугу – уж простите, ритана Розалия, но вы… вам не нравится предстоящий визит.

– Нравится, не нравится… а девочкам тоже такие можно?

– Наверное, можно. Но у меня столько нет. Это надо делать заново, а у меня только одна штука, – честно созналась девушка. – И они не должны так сильно реагировать? Разве нет?

– Они-то нет… Аракон все же. А я вот, – досадливо вздохнула ритана Розалия. И тут же спохватилась, что откровенность иногда не к месту. – Благодарю. Я попробую.

Антония кивнула и отошла.

У нее действительно была только одна ладанка. А запас трав, соли и прочее…

Темный источник, даже непроявленный, прекрасно работает. Нашептать заговор Антония вполне могла. Только делать этого не станет.

Пусть к Долорес обращаются.

Ровно без пяти семь к особняку Араконов подкатил модный мобиль.

Антония наблюдала за этим из окна. Красивая все же штука – мобиль. Такая мощная, уверенная… лошади, конечно, лучше. Но и мобиль может быть обаятельным.

Она бы себе завела мобиль.

Но стоит он, наверное…

Антония решила не думать о грустном и принялась наблюдать дальше.

Из мобиля вышел мужчина, подал руку даме в темно-синем платье. Вышел второй мужчина, третий… сердце глухо стукнуло.

Что случилось, Тони?

Но девушка и сама не знала. Она отошла от окна и принялась медленно спускаться вниз.

Альба и Паулина были уже внизу, равно как и ритана Розалия. Тетушка в темно-лиловом платье, Альба в белом, Паулина в светло-розовом. Антония в желтом рядом с ними

проигрывала по всем статьям. Волосы она стянула в непритязательный узел, причем с такой силой, что глаза выпучились, а прыщи стали еще ярче. Да и цвет ее не красил, и фасон. Паулина была чуточку полновата и платья были скроены так, чтобы показывать грудь и не подчеркивать талию. А вот у Антонии груди особо не было. Зато талия была тонкой… сейчас все ее достоинства были успешно скрыты. А по вырезу Антония прошлась ваточкой, смоченной настоем, благодаря про себя мастера Доменико.

Восхитительно, просто восхитительно!

Россыпь прыщиков на белой коже изумительно гармонирует с желтым цветом платья…

Чучело?

Пусть так! Зато жива, цела и на свободе!

Первым в комнату вошел тан Эрнесто под руку с миниатюрной дамой. Антония вздохнула про себя.

М-да, так ей никогда не выглядеть.

Дама была белокожей блондинкой, наверное, чуть за сорок, но выглядела она лет на десять моложе. Бледно-лиловое платье делало ее похожей на ирис, и даже запах духов был таким же…

Ледяной ирис, – подумала про себя Антония.

Из образа выпадало только выражение глаз дамы. Красивых глаз, бледно-голубых… только вот в них светились не любовь, дружелюбие, радость…

Расчет и холодность.

Что ж, Антонию это ничуть не волновало. Вас же не волнуют чувства змеи в террариуме? Насмерть не закусает, остальное – неважно!

В противоположность ей, тан Эрнесто улыбался. Вот ведь проблема!

Темный маг так и лучится дружелюбием. А его супруга, явно не маг, попросту замораживает всех вокруг. Интересно, почему так получается?

Ритана Розалия разулыбалась.

– Барба, милая…

– Рози, ты сегодня прелестна…

Дамы обнялись, поцеловались и задрожали раздвоенными язычками. Нападут?

Удержатся?

Да кто ж их, гадюк, знает? Во всяком случае, ритана Розалия держалась намного спокойнее и увереннее. Видимо, саше помогло. Долорес дряни не делала. Тем более для Антонии, которую считала пусть приемной, но внучкой.

Молодого человека, который вошел следом, Антония окинула незаинтересованным взглядом.

Копия отца.

Симпатичная, но… недосоленная, что ли? Пресный он какой-то. И глаза голубые, материнские… только у матери взгляд жесткий, расчетливый, а этот – рыба вяленая. Ни туда, ни сюда…

А вот второй…

Антония почувствовала, как пошатнулась под ней земля. Закружилась, медленно уплывая из-под ног. Потому что следующим вошел ОН.

Тот самый мужчина, о котором она мечтала.

Высокий, красивый, с золотыми волосами и синими глазами, с потрясающей улыбкой…

– Мой племянник, Эуджено Рико Валеранса, – представила его блондинка. – Он недавно из Шалеверо, пока поживет у нас.

– Как мило, – проворковала тетушка, протягивая руку для поцелуя и представляя своих дочек, а потом и Антонию. – Вы к нам надолго?

– Учитывая, что в этом городе живут столь очаровательные дамы? Я готов остаться здесь на всю жизнь, – согласился Эуджено.

Антония стояла ни жива, ни мертва.

Теплые губы прикоснулись к ее руке, голубые глаза посмотрели прямо в глаза.

В животе разливалось тепло, внутри словно бабочки порхали… а улыбка! Какая у него улыбка! Только вот он на нее и не посмотрит!

Не в таком жалком виде!

На миг Антонию охватило желание выбежать вон, сорвать с себя уродское платье, смыть грим, явиться такой, какая она на самом деле…

– Моя племянница, Антония.

Голос тетушки отрезвил не хуже пощечины.

Никуда не делись ни трепет, ни бабочки, но сейчас девушка уже пришла в себя. Нельзя! Ей нельзя раскрываться… она серая, страшная, она вообще – мышь. Такая… заплинтусная!

Судя по глазами молодого человека, даже не мышь, а таракан. Это хорошо… но почему так больно?

Хотя ответ Антония и сама знала. Наверное, что-то подобное испытала Даэлис Лассара.

Наверное, так чувствовал себя Даэрон Лассара… родители полюбили.

Она заплатили за эту любовь своими жизнями! И почти разрушили ее жизнь! Доломать остатки?!

Антония не собиралась этого делать. И когда красавец отпустил ее руку, пробормотала нечто невнятное и отступила за спины кузин, заслужив одобрительный теткин взгляд.

Все правильно. Иногда важно не как женщина выглядит, а как она себя ведет. И страшилка может быть опасной даже для признанных красавиц, если она умна, обаятельна, мила, умеет подать себя…

Антония сознательно устранялась от борьбы. Даже наоборот, старалась подчеркнуть внешность кузин. И тетушка это оценила положительно.

В гостиной Антония тоже расположилась подчеркнуто отстраненно. Вроде бы и рядом с кузинами, но не на диванчике

и не на креслах рядом, которые тут же заняли молодые люди, а чуть поодаль, на стуле с жесткой спинкой. И сиденье у него было таким же жестким.

Костяшки впивались в нежную кожу даже сквозь юбку.

Вот и отлично. Зато не забудется, не расслабится и не замечтается.

А в гостиной тем временем разворачивалось настоящее театральное действо.

Ритана Розалия, избавившись от подавляющего ее воздействия темного мага, щебетала, словно птичка, расспрашивая милую Барбу о милой Эжени, милой Инезилье, милой… количество милых ужасало. Антония прислушивалась краем уха, но запомнить и не пыталась.

Нереально.

Мужчины обсуждали политику и прорывы. Это интересовало Антонию намного больше, и она старалась прислушиваться к низким басовым голосам. Жаль, мешали молодые люди, которые трещали, что та стая сорок.

Оказалось, что Эудженио воевал на границе, сейчас приехал отдохнуть и подлечиться… и конечно, он должен был рассказать дамам о своих подвигах. Но поскольку нельзя забывать и про Амадо, тому тоже уделялось внимание. Альба уверенно брала Эудженио в свои ручки. Спрашивала про одно, про второе, хлопала глазками…

Антония честно старалась не вслушиваться.

Так было лучше, честное слово. Кусаться хотелось…

Это могла быть она! Она бы смотрела в голубые сияющие глаза, она бы разговаривала с ним… с любимым?

Не краток ли срок для любви?

Нет! Полюбить можно за одну минуту! Просто увидев, как твой, действительно*твой* человек просто идет к тебе и улыбается. И смотрит… и становится неважно, хороший он или плохой, черный или белый…

Ничего не важно.

Но шею царапала веревочка с саше старой Долорес, левая рука сжималась в кулак, вдавливая ногти глубоко в ладонь, жесткий стул впивался в тело… ничего! Зато контроль над собой не потеряет!

Держись, Тони!

Держись!

Антония старалась прислушиваться к словам старших мужчин, благо те очень удачно сидели.

Тан Эрнесто рассказывал, что прорывы участились. И секта Истинных проявилась. Все чаще появляются инициированные источники, а это плохо.

Сил попросту не хватает.

Неприятные новости.

Антония знала не так много, как ей бы хотелось, но…

Инициированные источники – она была в курсе. Долорес рассказывала.

Это когда магии у тебя нет и не было, а хочется. Очень

хочется.

Ее можно получить. Но… не просто так.

Когда сблизились два континента, стали появляться те, кто пробовал управлять нечистью. Кто уходил на другой континент – в попытке ли получить богатство и власть, или просто бежал от властей… да разные бывают обстоятельства.

Неизвестно, кто или что обитало там.

Но людей оно меняло.

Могло подарить источник, почему-то всегда темный. Могло изменить человека и превратить его в чудовище. Или перевертыша. Или…

Да много чего бывало, всего не перечислишь. Долорес рассказывала о том, что видела сама, и то у Антонии волосы дыбом вставали. Страшно, знаете ли!

Знающие… ну так всегда есть кто-то, кто умеет Бога лучше церкви славить. В частности, Знающие. Потому как только они знают истинную дорогу к спасению.

А для спасения надо проводить жертвоприношения, надо зачем-то разрывать могилы, надо…

Им – надо? Надо! Они же для всех сразу и в расчете на лучшее будущее! А церковь почему-то этого совершенно не понимала, и относилась без малейшей любезности!

Преследовала, гоняла, ловила, ну и по результатам могли и казнить. Впрочем, знающих это совершенно не останавливало.

– …вчера вскрывал – интересные изменения. Адан, ты

вряд ли поймешь, это специфика, но мне кажется, что такой человек может идеально видеть в темноте. И сильнее, чем обычный мужчина раз в пять-шесть.

– И только?

– Наверняка и что-то еще есть. Но это надо долго возиться. Анализы проводить.

– Ты будешь?

– Конечно, такой интересный случай…

Дамы – о своем, о гадючьем… или о ней?

– …кошмар в желтом?

– Моя племянница.

– Дочь Даэрона? Творец единый, дорогая! Это ужасно! Как она только посмела, как он посмел…

– Даэрон умер.

– Да что ты!

– Спился от горя, когда умерла его жена. Ну а дочь… дети за грехи отцов не отвечают. Да и Единый велел нам прощать и не помнить зла.

– Рози, ты просто образец благородства!

Антония шевельнулась так, чтобы впилось еще больнее. Сжала зубы.

Сволочи!!!

– Ты же понимаешь, Барба, девочка не виновата. Пусть поживет… потом найдем, куда пристроить.

СУКА!!!

Взрыв смеха перекрыл слова дам. И это к большому сча-

стью для Антонии. Выдержка у некромантов небеспредельна, знаете ли! Темный источник сильно влияет на сознание.

Жестокость и жесткость, рассудочная холодная ярость, гнев – это все его производные. И недооценивать их не стоило.

Антония перевела взгляд на молодых людей и увидела, как Эудженио, склоняясь, целует руку Альбе.

– Ритана, быть такой, как вы – это преступление. Столь умна, сколь и прекрасна – невозможно!

– Почему же это преступление? – воркующим томным тоном поинтересовалась Альба.

– Потому что вы одним своим присутствием разбиваете мужские сердца.

Да.

И сердце Антонии – тоже. Вот возьмет – и расколется хрупкой звонкой льдинкой… как же это бывает больно!

И всегда не ко времени…

Но что ей еще остается делать? Антония прикусила губу. Пусть больно. Она выдержит. Она справится…

Ужин.

Тоже в своем роде священнодействие. Все расписано от и до, все роли разыграны… Амадо провожал к столу Паулину, Эудженио, разумеется, Альбу. Вместе они смотрелись так, что Антония до крови прикусила щеку с внутренней стороны… не вечер, а сплошная симфония боли! То физической,

то душевной… да что ж это такое?!

Больно же!

Всерьез!!!

Ритану Барбару провожал хозяин дома. Тони не удивилась бы, если бы для нее не нашлось места, или ей пришлось бы идти одной, позади все, но на помощь неожиданно пришел тан Эрнесто.

– Адан, ты позволишь мне сегодня побыть вдвойне счастливцем?

– Эрнесто?

– Я позволю себе предложить руку не только твоей очаровательной супруге, но и твоей чудесной племяннице. Надеюсь, обе дамы мне не откажут? Ритана Розалия? Ритана Антония?

Антония посмотрела с благодарностью.

Все же… она сознательно шла на все это, но кто сказал, что от этого менее больно? Еще как больно!

Она дождалась согласного кивка тетушки – и едва коснулась локтя мужчины кончиками пальцев. И плохо представляла, как это должно быть, и… страшновато.

Никуда не делся легкий холодок, бегущий по позвоночнику в присутствии темного мага. Никуда.

Интересно, это потому, что свой источник она прикрывает? Или есть другие причины?

Теплая ладонь легла сверху на ее ледяные пальцы. Каким-то образом, продолжая говорить комплименты ритане

Розалии, тан Эрнесто бросил на Антонию веселый взгляд.

И даже улыбнулся украдкой.

Не пошло, типа – красотка, погуляем?

А как-то очень по-дружески. Словно говоря: я понимаю, что тебе сложно. Мне тоже. Ты держись.

Антония опустила глаза.

Нельзя. Нельзя, чтобы кто-то смотрел за ее маску. А темные маги – проницательны, иначе им не выжить.

Конечно, ее место оказалось в конце стола.

Конечно, на нее не обращали внимания. С ней никто не заговаривал, кроме тана Эрнесто, который несколько раз спрашивал о какой-то чепухе.

И конечно, все это было правильно. Так и было задумано.

Но почему же так больно?!

А больно было настолько, что Антония даже не обращала внимания на попытки Барбары ее укусить. Механически ковыряла кусок мяса. Механически отвечала на все вопросы. И так же механически поднялась из-за стола…

После отъезда гостей ритана Розалия подозвала к себе племянницу.

– Умничка, Антония.

– Благодарю вас, тетушка Розалия.

– Ты понимаешь свое место. Смотри, дальше не забудь его.

– Да, тетушка Розалия.

– Молодец. Можешь идти к себе, и помни – завтра мы

едем в храм. Михелито, дорогой, как ты думаешь, что за человек этот Эудженио?

– Надо наводить справки, дорогая. Валеранса – старинная семья со множеством потомков, а в столице он раньше не был.

– М-да… спросить бы у Барбы, но ведь и соврать может… она, кстати, тоже из Валеранса.

– Если это – ее племянник? Я попробую узнать по своим каналам, а ты попроси отца, хорошо?

– Конечно, дорогой. Альба, детка, я вижу, что молодой человек тебе понравился…

– Очень! Мама, правда же, мы красивая пара?!

Дальше Антония уже слушать не могла. И как могла быстро сбежала в свою комнату.

Упала на кровать, лицом в подушку, потом вытащила ее – и ударила кулаками.

Раз, второй, третий… да что ж такое?!

ЗА ЧТО?!

* * *

Отец Анхель встретил дам приветливо.

– Ритана Розалия, мое почтение. Рад видеть вас в храме. Ритана Антония, мое почтение.

– Отец Анхель, благословите.

Под благословение подошла и Антония. Получила свое,

уже вполне уверенно отвечая на ритуальные слова святого отца, чем заслужила одобрительный взгляд. И отец Анхель посмотрел на ритану Розалию.

– Что-то случилось, чадо Творца? Вы кажетесь взволнованной, ритана?

– Да, отец Анхель. Вот, посмотрите, нет ли зла в этой вещи?

Саше опустилось в протянутую сухую ладонь.

Отец Анхель поднес мешочек к лицу, понюхал.

– Травы… вы позволите оставить вас на пару минут, ритана?

– Да, конечно. Мы пока помолимся…

Но молитва не удалась. Отец Анхель оказался достаточно быстр. Не две минуты, но и не двадцать. Минут десять, не больше.

– Это артефакт. Слабый, но работающий. Травы, соль, заговор, сделанный темным магом.

– Отец Анхель, это безвредно?

– Эта вещь не несет зла. Чтобы разобраться, что именно за наговор, нам нужно больше времени. Но сразу видно, что это сделано ко благу.

Ритана Розалия вздохнула. И сдала племянницу с потрохами.

– Вчера у нас в гостях были Риалоны. Вы знаете, что тан Риалон – сильный темный?

– Да. Проявленный, активный…

– И я плохо реагирую.

– Да, ритана. Я вам искренне сочувствую…

– Этот артефакт мне дала Антония. И он помог. Я не испытывала никаких неприятных ощущений… ну, почти. Разве что когда тан Эрнесто взял меня под руку, чтобы проводить к столу, стало немного неудобно. Но по сравнению с тем, что было – небо и земля.

– Ритана? – повернулся отец Анхель в сторону Антонии.

Та скрываться не стала и честно повторила и про состав, и про свойства.

– Говорите, соль должна лежать под порогом храма?

– Иначе ничего не получится. Я очень мало знаю о магии, отец Анхель…

– И все же знаете, ритана.

– Сложно быть Лассара – и не знать, – развела руками Антония. – От некоторой нечисти можно обороняться, насыпав вокруг соли. Или серебра.

– Да, об этом все знают.

– Здесь – то же самое. Ладанка действенна при прикосновении к коже, как бы – человек в защитном круге. Темные маги не нечисть, но их эманации подавляют. Артефакт слабый, но для такой защиты его более чем достаточно.

– Нам надо изучить его подробнее, ритана.

– Я могу оставить амулет в храме, – согласилась ритана Розалия. – Но если он безопасен, смогу ли я получить его обратно?

– Ритана Антония, вы сможете сделать такой же амулет?

Антония покачала головой. И даже не солгала.

Сделать в точности такой же – нет! У нее все равно получится чуточку, но по-своему. Не так, как у Долорес. Любая работа индивидуальна….

– Нет, отче. Я не смогу. Но могу отдать рецепт в руки храма. Это несложно, не опасно… разве что долго. Соль надо год держать – это самое малое.

– И вы ее год выдерживали?

Антония вдруг улыбнулась. Широко и искренне.

– Долорес всегда несколько горстей держит под порогом храма. Так, на всякий случай. Она туда раз в год ходит, не чаще. Проверить, посмотреть… взять горсточку, положить. Есть запасы.

Отец Анхель оценил и улыбнулся.

– Хорошая идея, ритана. Да, я бы хотел получить рецепт. И слова наговора.

– Вот они, – Антония передала ему лист бумаги. Специально сегодня с утра попросила у тетки и записала все, что надо сделать.

И собрать травы, и измельчить, и наговорить…

Темный источник?

Ну что поделать, какой есть, тем и пользовались.

– А светлый источник может попробовать сделать нечто подобное? Ритана, вы не пробовали?

– Отче, да откуда ж мы мага бы взяли? – удивилась Ан-

тония. – Чтобы на наши земли приехал, да еще и работал с Лассара…

Мужчина понял и улыбнулся.

– Храм благодарен вам, Антония. Как вы исполняете свое покаяние?

– Я учу молитвы, – честно созналась Антония. – Мне сложно, но я справлюсь.

– Старайся, чадо. Верь, это пойдет лишь во благо для твоей души. А артефакт я вам верну, ритана. Скажите, если его развязать – и завязать заново, силу он не потеряет?

– Мы не пробовали, – пожала плечами Антония. – Наверное, потеряет. Все же это получится разрушение и новый артефакт.

– Вот как… и все же храм благодарен вам, ритана.

Антония понимала, что отец Анхел заинтересуется.

Что с ней захотят побеседовать. И узнать, нет ли еще чего полезного и интересного. Но…

Это был один из ее шансов! И отказываться было глупо!

* * *

– Ритана Розалия, скажите, пожалуйста, могу ли я попробовать погулять по городу?

Антония воспользовалась тем, что ритана была довольна визитом в храм, и решила попробовать. Тетушка нахмурилась.

– Просто гулять по городу?

– Да, ритана.

Женщина нахмурилась еще сильнее.

– Это не лучшая идея, Антония. Это – столица.

– Мне тяжело в доме, ритана Розалия. Я привыкла к другому.

Антония выглядела так печально, что ритана смягчилась.

– Я понимаю, в провинции все не так жестко. Но и ты пойми меня правильно. Одинокая девушка, на улицах столицы, более того, провинциальная девушка… это может плохо кончиться.

– Я понимаю, – поникла Антония. – Но может… я хотя бы по одной улице погуляю? Или как-то… я не прошу брать меня в лавки, но может, я смогу ходить с прислугой за продуктами? К примеру?

– С прислугой?! За продуктами?!

– Конечно, это не принято. Но я ведь приехала из провинции и совсем не знаю столицы. Где, что, как, сколько…

Ритана Розалия задумалась.

Это верно, Антония была типичной провинциалкой. И что было с ней делать? Запереть в доме? Но она права. Хозяйка должна проверять слуг, контролировать их, а как? Если она ничего не знает, не умеет… да и тяжело ей, действительно. И девушка вроде неглупая.

С другой стороны, если она ввяжется в неприятности, ее всегда можно убрать. С полным на то основанием.

С третьей – послать с ней слуг, которым ритана доверяет. Потому как Антонии она тоже пока не верит до конца. Пусть посмотрят на нее в другой обстановке…

– Я скажу Дите. Будешь ходить с утра на рынок вместе с поваром, закупаться. Заодно научишься разбираться в продуктах, выбирать лучшее для стола, узнаешь цены, посмотришь на столицу…

Антония засияла ясным солнышком. Даже прыщи не помешали.

– Тетушка Розалия! Благодарю вас! Обещаю, вы не пожалеете о своей доброте!

Если тетушка и жалела, то вслух она об этом благоразумно не сказала.

Ни к чему.

* * *

– Где девчонка?

У говорящего явно были какие-то проблемы. Или «волчья пасть», или «волчья суть»…

Голос его звучал… достаточно странно.

Так могла бы говорить змея, которая обрела голос.

– Неизвестно, тан.

– Почему? Вы ее упустили?

Теперь в голосе было еще и обещание страшных кар. Собеседник невольно поежился.

– Не знаю, тан. Дома ее нет, а арендаторы тоже исчезли. И наши люди, которые были туда посланы – пропали.

– Арендаторы исчезли?

– Я неверно выразился, тан. Сгорели два коттеджа. В одном из них найдены два трупа. По слухам – арендаторов.

– Так… а наши люди – пропали?

– Да, тан.

– В этом есть нечто странное. Я хочу, чтобы вы разобрались в этом случае. И нашли девчонку.

– Да, мой тан.

Мужчина жестом отпустил подчиненного и задумался, глядя в камин. Пляска огня завораживала, успокаивала…

И где может быть эта девчонка?

Нет, неизвестно…

Раздражает… просто невероятно раздражает! Его планы нарушены. И кому-то придется за это ответить. Да, кому-то придется…

Глава 4

На следующее же утро, еще до рассвета, в комнату Антонии постучали.

– А? Войдите?

В дверь просунулся хорошенький носик Риты.

– Сеньор главный повар сказал, что выходит через полчаса! Поторопитесь, ритана!

– Полчаса?! – подскочила ритана.

– Пока все самое лучшее не разобрали.

Этого Антония уже не слышала. Она металась по комнате, пытаясь одновременно одеться, причесаться и умыться. Рита хихикнула – и прикрыла дверь.

Внизу Антония оказалась через двадцать минут.

Старший повар был похож на помидор. Толстенький такой, краснощекий, кругленький…

– Ритана Антония, доброе утро.

– Доброе утро, сеньор…

– Фарра, – шепнула оказавшаяся рядом Рита.

– Доброе утро, сеньор Фарра, – тут же поправилась Антония. Колючие кругленькие глазки повара оглядели ее без особой приязни. Точно так же, без приязни, смотрели на нее два лакея, которые обычно сопровождали повара на рынок. Хулио, с большой тачкой, в которую было погружено несколько корзин, и весьма недовольный жизнью Роман.

– Ритана, я понимаю, что вы благородная. Но на рынке прошу мне не мешать и стараться…

– Вести себя потише. И как обычная сеньорита, – согласилась Антония.

Она надела одно из привезенных с собой платьев, и сейчас на благородную даму вовсе не походила. Простое черное платьице в горох могло бы прекрасно смотреться на служанке. И дело даже не в цвете, а в старомодном фасоне и дешевом ситчике, который на него пошел. Благо, на улице стояло начало лета, было тепло и уютно.

На голову Антония повязала косынку, так, как это было принято у крестьян. Стянула на лицо ровный край, закрывая лоб почти до бровей, завязала узел на затылке, свободный конец подвернула так, чтобы волосы были полностью под тканью. Самое то, что нужно.

– Хорошо бы, ритана Антония, – не поверил повар.

Антония пожала плечами.

– Сеньор Фарра, я постараюсь не доставлять вам неприятностей. И пожалуйста, называйте меня Ритой, пока мы будем на рынке.

Повар несколько секунд смотрел на нее, а потом ухмыльнулся.

– А что… хитро. Если кто и услышит – то ли имя тебе, то ли титул… хорошо, рита… на. И если что не так – не обессудьте.

– Спасибо вам, сеньор Фарра.

– Спасибом корзинку не наполнишь. Идемте, рита… на.

Четверо человек, повар, Антония и два лакея – Хулио и Роман, вышли из дома.

* * *

Рынок!

Как же Антония любила рынки!

Яркие, веселые, шальные, разноцветные…

Запахи накатывают и оглушают, сбивают с ног, запах квашеной капусты мешается с запахом духов, шелка – с дерюгой, нищие с богачами, повсюду снуют вездесущие воры…

Кричат торговцы, привлекая покупателей, кричат сами покупатели, вот, идет торговля…

– Да вы что! Рыба тухлая!

– Свежайшая! Только вчера плавала!

– В канализации?! Вот туда ее и спусти, а мне дай вон того окуня, которого под прилавком прячешь!

Антония с огромным удовольствием глазела по сторонам. Сеньор Фарра посмотрел на девушку, потом вздохнул и вдруг купил на лотке пирожок. Теплый, еще горячий, с яблоком.

– Кушайте, рита… на. Небось, не завтракамши… это мне ничего, а вас-то сейчас ветром снесет.

– Благодарю, сеньор Фарра, – Антония впилась зубами в пирожок.

Вкусно!

– Да вы с ума сошли! Реал за фунт чая?! Я курицу за эту цену куплю!

– Вот и заваривайте ее вместо чая!

Сеньор Фарра приценился к крупам, к муке…

– Первый сорт!

– Да что ты?! А чего такая тяжелая?!

– Смеяться изволите, сеньор! Не мука – россыпь!

– Тогда гирю из нее вытащи! А то слишком мешок тяжел для россыпи, небось, водой смачивал?…

Крики, шум, гам…

Антония оглядывалась по сторонам.

Да, здесь ей было хорошо и уютно. Эх, не уезжала бы она из Лассара, сейчас покупала бы продукты для себя и Долорес. Торговалась бы, понятно…

– Сеньор Фарра, список есть, что нам нужно?

– Конечно. Специи нужны, рита… на. Разбираетесь?

– Не особенно, – не стесняясь созналась Антония. – А вот овощи купить могу. Птицу могу…

– Овощи, говорите?

Антония кивнула, ожидая проверки. И не ошиблась.

– Лук нужен. Сладкий, но лежкий. Сможете выбрать?

Антония уверенно подошла к прилавку.

– Так… эта связка нам не нужна. Слишком сильный запах. А вот здесь лук подгнил – видите, у основания. Явно с корешков что-то счищали. И этот мне не нравится – видите,

шелуха тусклая, и вот, влажные участки, их просто внутрь заплели…

– Да вы что, сеньорита!

– А я вот сейчас любую луковицу очищу по своему выбору. Если она не окажется подгнившей, я ее лично куплю и съем. А если окажется – вы ее съедите? С гнильцой, – предложила Антония. И уверенно взяла в руку следующую луковицу. – И этот лук мне не нравится. Крупный, но легковат, теперь внутри пустой…

– Сеньорита!

– Проверим? – мило улыбнулась Тони.

– А вот этот лук вам нравится? – скрипнул зубами продавец, вытаскивая из-под прилавка косицу некрупного красного лука.

Антония ловко ощупала его, осмотрела…

– Сойдет. Сколько?

– Реал! – злорадством на лице торговца можно было лук вместо масла заправлять.

– Это за косицу – или за весь товар? – Антония и глазом не моргнула, начиная торг. Сошлись на десяти песетах за косу, взяли три штуки за реал – и разошлись друзьями. Ну как – друзьями?

Кажется, под конец торговец готов был лично скормить девушке весь свой товар. Но разве это не проявление истинной дружбы? Когда для друга – ничего не жалко!

Сеньор Фарра улыбался в усы.

– Доводилось торговаться, ритана?

– Дома у меня слуг не было. А кушать хотелось… так дешевле, чем по луковице покупать.

– И то верно. Вижу, разбираетесь. Купите, вот, морковку, свеклу, репу и капусту. Картошку хорошо бы и зелени. Роман, давай со мной и корзины возьми. Хулио, тачку захвати и сходи, помоги выбрать. И приходите к ряду со специями, я там буду.

– Сколько надо?

– А вот по мешку, лучше даже по два, если хорошую найдете. Тыква нужна, штук десять. Начало лета, приличных овощей днем с фонарем не разыщешь.

Антония кивнула, но вдоль ряда пошла.

Тыквы ей приглянулись почти сразу, крепенькие, рыженькие, пухлощекие, хоть ты их сейчас на картину и натюрморт рисуй. Но осмотрела девушка каждую и принялась торговаться, сбивая цену. Постепенно нашла и остальное…

Хулио следовал за ней. Не помогал, но и не мешал. Только один раз поворошил морковку, хотя Антония так и так весь мешок перерыла и штук шесть подгнивших выбросила, и одобрительно кивнул. Второй раз он вмешался, когда с Тони потребовали два реала за мешок свеклы. И сообщил, что за такую цену два мешка купить можно.

Антония приняла слова мужчины к сведению. Мешков и купили – два. Свеколка была мелковатой, но хорошей. Не вялой, не гнилой, пахла правильно…

– Да что ж ты делаешь, охальник?!

Антония охнула и кинулась на помощь пожилой сеньоре, которую толкнул проходящий мимо мужчина. А поскольку здоров был мужчина, аки бык, то и женщину он к своим ногам поверг одним движением плеча.

– Сеньора, вы в порядке? Обопритесь на меня и вставайте…

На вид женщине было лет около пятидесяти. Темные волосы с проседью, смуглое загорелое лицо, аккуратное черное платье. Волосы собраны в узел на затылке и на нем, с помощью булавок, закреплена шляпка. Небольшая, словно блинчик.

– В порядке, сеньорита. Ух, оглашенный! Носятся тут, как вечером зенки зальют, так с утра ничего и не видят!

Антония помогла женщине отряхнуть юбку и улыбнулась.

– Может, вам еще чем помочь?

Женщина прищурилась, но отказываться не стала.

– Я смотрю, ты со спутником?

– Да, сеньора.

– А у меня ноги уже не те. И годы мои уже не те… если я сейчас мешок муки куплю, не завезете ко мне на дом?

– А где вы живете, сеньора? – осторожно уточнила Антония.

И отказывать женщине не хотелось. Но и топать через весь город она никого не заставит, можно даже не сомневаться.

– Калле Тарралонга, двадцать пять.

– Ой…

Антония удивленно посмотрела на женщину.

Ну да, городской особняк ее родственников тоже стоит на калле Тарралонга. Только номер – два.

А двадцать пять – это в конце улицы… это она договорится с сеньором Фарра.

– А что удивительного? Не одни ж там богатеи обитают!

Антония и не удивлялась.

– Я у родственников живу. Рядом. Калле Тарралонга, два.

– А то я не знаю. Эва, на спутника своего посмотри, кривится весь, как луку облопался!

Антония посмотрела на Хулио.

И верно, лакей кривился, но не спорил. Но происходящее ему явно не нравилось.

– А все потому, как быдло, – припечатала бедолагу сеньора. – Тан Адан как меня встречает, так и здоровается, и кланяется. А этим, вишь ты, не по норову, что кто-то беден, а не пресмыкается. Услужающая порода, весь мир бы в холуи загнать, да не получается.

– Сеньора, я вас прошу не оскорблять моего спутника. Тем более что вы неправы.

– Ишь ты… а не мала судить, кто прав, а кто не прав?

– В самый раз, – отрезала Антония. – Чтобы не оскорблять человека, которого о чем-то прошу.

Сеньора захихикала.

– И то верно. Ладно, прости, милок. Знаю, меня не любят,

да мне любви и не надо. А вот муки мешок – пошли, сейчас сторгуем да и погрузим.

Хулио закатил глаза, вопрошая Творца – за что? Но поскольку Творец был занят, отправился грузить мешочек с мукой. Скромный такой, фунтов[2] на сто…

Вопреки опасениям Атонии, сеньор Фарра не разозлился.

– Сеньора Маркос? Эта может…

И видя, что только Антония не поняла, в чем суть, пояснил:

– Сеньора Маркос – заноза для всей калле Тарралонга. Как увидите – так поймете, ритана. Так… морковка хорошая, свеколка…

Тележка была нагружена до краев.

Потом так же, до краев, нагрузили корзины. Антония – и та несла корзинку со специями и травами. Но возвращались они уже другой дорогой.

– Смотрите, ритана, – сеньор Фарра показал Антонии кивком головы на стоящие дома.

М-да…

Понятно было сразу. Именно это и есть – калле Тарралонга, двадцать пять.

И понятно было, почему кривился лакей.

Вот представьте себе – зубы.

---

[2] Один испанский фунт равен 0,451 кг, так что мешочек и до пятидесяти кило не дотягивал. Самые мелочи. –*Прим. авт.*

Белые, ровные, чистенькие… и вдруг один зуб, хотя бы и с краю – гнилой! Черный, с дуплом и язвами!

Вот именно такое впечатление и производил этот дом.

Старый, в два этажа, с небольшой башенкой – так уже лет двести не строят, и с крохотным же балкончиком, который держался только чудом. Потемневшие от времени камни, старая черепица, поблекший от времени навес…

И вывеска над входом. Старая же, с почти неразличимыми буквами.

«Лавка антиквариата «Монисто».

– Лавка… антиквариата?

– Да, ритана.

Сеньор Фарра сделал несколько шагов и постучал в дверь лавки.

– Открыто!

Тихо звякнул колокольчик.

– Сеньора Маркос, куда муку поставить?

Антония смотрела во все глаза. Перед ней словно бы гостиная открылась. Но… захламленная до предела.

К примеру, в ней было три стола.

Шесть зеркал.

Два дивана… а уж всякой мелочи, вроде вазочек, статуэток, часов и прочего – легион! И на всем этом были написаны цены. Мелом, от руки…

При этом… Тони подозревала, что половину вещей они просто не видят. Потому что разглядеть их не представля-

лось возможным.

Вот симпатичный столик. Но стоит на нем три вазы, два подсвечника и несколько блюд. И он теряется. А ведь красное дерево.

И узор красивый…

Трюмо.

Но флаконов на нем – столько, что зеркала, считай, не видно. И сверху еще какая-то пакость свисает. Вроде гирлянды из тех, что на елку вешают. Но пыльной – жуть!

Хозяйку долго ждать не пришлось.

– Муку привезли? Это хорошо, заносите…

Хулио послушно взвалил себе мешок на плечи – и пошел, куда сказано. Антония невольно посмотрелась в зеркало.

Старое стекло было пыльным и мутным, лица было почти не видно. Тряпку бы, да протереть все…

– Благодарствую, – хозяйка в этот раз не язвила и не пыталась укусить. – Удружили… легкой вам дороги. А ты, ритана, заглядывай, как мимо проходить будешь.

Антония посмотрела с удивлением.

– Вы…

– Нет, не знаю. Только что ж я – темный источник не увижу? – хохотнула хозяйка. – Небось, старшенького дочка? Даэрона?

Антония медленно кивнула головой.

– А ты не удивляйся, и я молодой была… ох и парень был! Да и история… по нему все бабы с ума сходили, а он некро-

мантку выбрал! Как такое забудешь? Ты на нее, кстати, и похожа. Когда волос не видно… та светленькая была.

– Все верно, сеньора.

– А раз верно – заглядывай в гости, ритана. Чайку попьем, о предках посплетничаем.

Сеньора рассмеялась дребезжащим смехом и достаточно бесцеремонно принялась подталкивать гостей к выходу.

Антония не возражала. Интересное знакомство…

– Сеньор Фарра, а вы можете мне рассказать про сеньору Маркос? Пожалуйста?

До дома было идти минут десять, и повар не стал отказываться. Тем более продукты девушка купила хорошие, денег сэкономила, корзину несла без возражений, а что старой ведьме на крючок попалась – не одна она такая. Не первая и не последняя…

– Так-то она не сеньора, а сеньорина Маркос. Просто уж забылось за давностью лет.

– А…

– Луиса Каталина Маркос. Сестра у нее тоже есть, кажется, Хелена Каталина, я уж не упомню. Давно дело было. Мужика две девчонки не поделили, да и разругались вдрызг. Младшая с ним сбежала, старшая осталась, да и лавку унаследовала. Отцу, вишь ты, тоже не понравилось, что дочка на какого-то проходимца польстилась. То ли на актера, то ли на жонглера – уж и не упомню. Но уехала. Магазин этот на

своем месте уж лет сто находится, как бы не больше, и держит его шестое поколение Маркосов…

– А ремонтировало его какое поколение? Четвертое?

Сеньор Фарра от души хохотнул.

– Примерно так. Старый Маркос… именно, что старый и был. Ему не до того было. А дочка его… не знаю уж, на что она живет, но как-то концы с концами сводит.

– Худо-бедно?

– Вот и оно-то, ритана, что худо и бедно. Сами видите. А предлагали ей домик продать – так в крик. Шуму, визгу… здесь ее предки жили, здесь и она умереть желает…

– А соседям, понятно, дом не нравится.

– Сами видите, ритана.

Ритана видела. Действительно… в богатом квартале, на богатой улице, магазинчик был, как бельмо на глазу.

– А…

Сеньор Фарра понял вопрос до того, как он прозвучал.

– Нет, ритана. Род такой… то ли она что умеет, то ли не умеет, но связываться никому неохота. Знаете, есть такие люди – глаз у них дурной…

Ритана знала.

То ли он украл, то ли у него украли… вот Долорес, кстати, такой славы старалась избегать. И Лассара тоже. Хотя им – избегай, не избегай, темный род – и все этим сказано. Дурная слава за ними не бегает. Они с ней давно сжились, срослись, даже сроднились…

– А церковь?

– Не пойман – не ответчик. Глаз там, ухо – у нас просто так людей на улицах не хватают.

С этим Антония тоже была согласна.

– Как вы думаете, сеньор Фарра, стоит мне к ней зайти в гости?

– Сложно сказать, ритана. Дело такое, что старой ведьме в голову взбредет – никто не знает. Может, хорошее, может, и не особо…

Антония задумчиво кивнула.

– Спасибо, сеньор Фарра. Вы не будете возражать, если я еще раз с вами за продуктами схожу? Или… почаще?

– Рад буду, ритана. А тан знает?

Антония кивнула.

– Тан Адан и ритана Розалия в курсе, что я буду ходить с вами. Мне же надо научиться выбирать продукты, чтобы гнильем не кормили?

– Конечно, надо, – согласился мужчина. И хитро улыбнулся еще раз. – Конечно, ритана.

И потянулись дни.

В храм Антония сходила со всей семьей – в воскресенье. И…

Там был – ОН!

Стоял, улыбался Альбе Инес…

Говорят – мужчина не может описать любимую женщину.

В чем она была одета, как выглядела… для него то неважно! Она есть, и она освещает своим присутствием мир.

А Антония смотрела на Эудженио.

Какой же он был красивый…

Вот спроси – во что был одет, как причесан – не рассказала бы. Для нее мужчина словно был в ореоле света.

Приблизиться? Уже невероятно!

Дотронуться? Даже до рукава? Заговорить первой? Антония даже представить этого себе не могла. Язык словно цепями сковало.

И это она!

Лассара…

Но все было бесполезно! Все…

Антония могла только стоять и смотреть. А мужчина, которого она, кажется, полюбила, подошел к Альбе, поклонился ритане Розалии, поцеловал дамам ручки, сделал комплимент Паулине…

Антонии комплимента не досталось. Небрежный взгляд, улыбка…

Девушка покраснела, как клюква по осени. Но…

В сером костюме, словно мышь… прыщавая, страшненькая мышь – на что она могла рассчитывать?

Антония все понимала. Но Творец Единый, как же хотелось! Как хотелось расправить плечи, улыбнуться, показаться в своем настоящем виде… и?

А вот что потом – Антония не знала.

Язык не поворачивался. О чем с Ним можно говорить?

Но Эудженио вовсе не испытывал неловкости и сам болтал за шестерых. О погоде. О природе. Об очаровательных глазах Альбы.

О пикнике, на который обязательно надо поехать столь очаровательной девушке… и ее не менее очаровательной сестре, и матери…

Антонию он словно бы и не видел, и это всех устраивало. Кроме самой Антонии. Но – ей ли было отстаивать свое мнение?

Девушка молча сдвинулась в тень от колонны и кусала губы.

Что она может сделать, чтобы привлечь Его внимание?

Ничего…

Девушка сдвинулась еще дальше, за колонну. И просидела там все богослужение, честно не услышав ни единого слова из молитв.

Она смотрела на Эудженио.

На светлую прядь волос, падающую на чистый лоб, на точеный профиль, на очаровательную улыбку… на то, как он иногда, помогая Альбе переворачивать страницы молитвенника, касается ее руки. И девушке было больно.

На этот раз на исповеди Тони отвечала на вопросы намного увереннее. И молитвы прочла – две штуки, которые выучила. Отец Анхель от души похвалил девушку.

– Ты умничка, дитя.

Антония вздохнула в ответ. Умница, да.

А хочется – быть красавицей. И любви. И чтобы Эуджении касался ее руки…

Но сердце девушки царапнули еще раз.

Когда красавец попросил позволить ему проводить до дома очаровательную Альбу. Ухаживание было объявлено по всем правилам… и ритана Розалия дала согласие.

Но как же было больно и тоскливо Антонии, которая садилась в мобиль. Как же грустно.

Впрочем, ее настроения никто не заметил. Тетушка щебетала, как птичка.

– Барба сказала, что Эуджении не беден. Раньше он служил, но сейчас получил наследство и может себе позволить небольшой отдых. Приехал в столицу, попробовал подать прошение о переводе… куда-то в канцелярию.

– Канцелярию? Это так скучно! – надула губы Паулина.

– Ничего ты не понимаешь, дочка, – посмотрела на нее с улыбкой мать. – Запомни, с военным и по гарнизонам поездишь, и по разным местам службы, куда его начальство отправит, и денег у него мало будет, если это не интендант. А уж что мужа убить могут в любой момент, я и вовсе молчу. То ли дело – чиновник. Да и пригодится свой человек на хорошем месте. Всегда.

Паулина надула губы.

– Военная форма намного красивее.

– И все же это ненадежно. А вот для Тони можно и посмотреть военного. Если в невысоких чинах…

– Я полностью положусь на ваше решение, ритана Розалия, – бесцветным голосом произнесла Тони.

Ритана одарила ее благосклонным взглядом.

– Ты умница, Антония. Веди себя так же и дальше, будь благоразумна, и судьба твоя будет устроена.

Не с Эудженио.

Красавец и умница, перспективный чиновник должен достаться родной дочери.

А племяннице сойдет и что попроще… впрочем, Антонии ли пенять? И девушка попробовала улыбнуться.

– Я постараюсь не подвести вас, ритана Розалия.

– Можешь называть меня тетушка Розалия, – снизошла ритана. И улыбнулась, выслушивая благодарности.

Она рисковала, конечно. Но девочка оказалась неглупая, и что приятно, страшненькая. Как раз достаточно страшна, чтобы оттенять красоту своих кузин, и достаточно умна, чтобы это понимать и не протестовать. Как же хорошо, что она не вышла замуж за Даэрона!

И Розалия принялась наставлять Паулину, которая упорствовала в своей любви к военным мундирам. Военные…

Мундир – это красиво, но в него еще и человек завернут. С молодежью никогда не знаешь, что из них получится, то ли сопьются и загуляют, то ли в бою погибнут, то ли хватит ума и удачи выше пробиваться. В молодости – не поймешь.

А постарше либо уже женаты, либо вдовцы с детьми, либо, если уж о вовсе высоких чинах говорить, попросту старики. Зачем за такого дочку отдавать?

Не надо!

Розалия дочкам счастья хочет. А именно – спокойной и сытой жизни за мужем. Как за каменной стеной. Как у нее самой. Понимать надо!

А то, что дома Антония подперла дверь стулом – и долго ревела в подушку, стараясь, чтобы никто не слышал всхлипываний, и вовсе никого не касалось.

Мало ли кто и почему плачет?

Может, она дом вспомнила? Или отца? Или…

Плакалось ей по другому поводу. Но о своей непрошеной любви Тони решила молчать.

* * *

Чем должна заниматься юная ритана из благополучной семьи?

Разумеется, принимать участие во всякой и всяческой благотворительности! Состоять в комитетах спасения, защиты, помощи…

Работа?

А вы считаете, что ЭТО – не работа?!

Да вы знаете, сколько хлопот у милых дам? Сколько вре-

мени занимает организовать даже один благотворительный базар? А подготовиться к нему?

А работы, которые будут продавать на базаре?

А обойти малоимущие семьи и определить, кому и какая помощь нужна? Где-то родители могут пить, где-то лениться, где-то недостаточно усердствовать с молитвами, и это все надо учитывать! Творец помогает тому, кто рук не покладает. А заодно скромен, благочестив и знает свое место.

Но это уже детали!

Важно то, что юные ританы заняты с утра до вечера. И правильно, ибо в незанятую голову тут же лезет Нечистый!

Ритана Розалия, кроме того, вела бухгалтерию семьи, распределяла бюджет, выделяла деньги на хозяйство… это кажется, что жизнь хозяйки дома легка и приятна. На самом деле она не оставляет ни минуты свободного времени.

Вот и сегодня…

Ритана Розалия решила съездить с девочками на заседание Комитета помощи неимущим. Посмотрела на Антонию с сомнением и решила уточнить.

– Антония, ты умеешь рукодельничать?

– Рукодельничать, тетя Розалия?

– Шить, вышивать, возможно, что-то еще? Плести кружева, к примеру…

Антония покачала головой. Там, где дело шло об иголках и нитках, у нее обе руки были левые. Поставить заплатку она могла, но и только. А что-то перешить! Разобраться с

выкройками!

Плести кружево?!

Да, конечно, именно этим надо заниматься ритане, даже подыхая от голода.

Антония могла задать другой вопрос. Знает ли тетушка, как копать червей, как прикармливать рыбу? Умеет ли ее ловить, потрошить, запекать на костре? Может ли подбить из пращи птицу?

Сажать картошку? Или окучивать ее?

Неблагородно? А что поделать, жить как-то хотелось, а для жизни надо три раза в день кушать. А не кружева плести.

Вслух Антония этого не сказала, но в своей бездарности призналась. Ритана нахмурилась.

– Плохо… а что у тебя с почерком?

– Не могу сказать, что он хорош, тетушка Розалия.

– Переписывать книги тоже не получится… жаль. Тебе было бы полезно.

– Переписывать книги? – искренне удивилась Антония. Зачем, если дешевенькие отпечатки с деревянных досок были по карману практически всем, кроме уж вовсе бедноты?

– Мы переписываем изречения из священных книг и раздаем их беднякам, – изрекла Паулина. – Чтобы не роптали на судьбу, а несли свою ношу с достоинством.

Каких усилий Антонии стоило не расхохотаться – знала только она сама. А еще она бы знала, что сказать таким благодетелям, в пору своего голодного детства. И ни единого

слова из этой речи в священных книгах не было. Предлоги разве что!

Но говорить вслух Антония ничего не стала. И попросила разрешения остаться дома и почитать книги, данные ей в храме. Все же неловко надолго задерживать такую ценную литературу… это не библиотека.

Ритана Розалия подумала – и согласилась. Действительно, дело полезное…. И опять же! Возьмешь девчонку с собой, а она и делать-то ничего не умеет, будет чучелом в углу сидеть… нет, ни к чему.

Ритана взяла себе на заметочку потом расспросить племянницу подробнее, а может, и поучить чему. И отправилась в Комитет вместе с дочками.

Антония честно читала.

Часа полтора.

Потом повторяла молитвы, как попугай.

Потом довела себя до зубной боли и, зеленая, вышла в столовую.

– Ритана, да на вас лица нет! – ахнула Рита.

Антония помассировала виски.

– Погода, наверное, поменяется. Так давит и давит…

– То-то вы вся бледненькая. Может, вам прогуляться пойти? Ритана?

– Пожалуй, – задумалась Антония. – Далеко я не пойду, страшно, а вот по улице пройтись можно. Туда и обратно, может, хоть развеюсь?

Со стороны слуг возражений не последовало.

Антония вышла из ворот особняка, огляделась – и решительно зашагала в тот конец улицы, в котором уже побывала недавно. К двадцать пятому дому.

Ей срочно требовалось пообщаться с кем-то нормальным….

Сеньора Луиса была в магазине.

Звякнул колокольчик, она подняла глаза от большой книги и увидела на пороге Антонию. Ухмыльнулась.

– Пришла? Ну, заходи, гостьей будешь.

– Благодарю, сеньора, – Антония прошла внутрь, стараясь ничего не задеть и ни за что не зацепиться. Сложно, конечно, но попробовать надо.

Старуха фыркнула.

– Было б за что благодарить. Воздух не купленный. Чая налить?

– А можно? – уточнила Антония.

– Чего ж нельзя? Проходи, садись. Может, заодно и старуху сплетнями потешишь…

– Да разве ж вы старуха? Сеньора?

Попытки Тони польстить были пресечены взмахом сухой ладони.

– О себе я и сама все знаю. Не мети хвостом, рассказывай. Тошно тебе у Араконов?

– Душно, – согласилась Антония. – Понимаю, они хоро-

шие, добрые…

– Да только шапку из доброты не сошьешь. Даже на заплатки не пустишь ту доброту.

Антонии вдруг стало легко и уютно.

– Моя… бабушка говорит так же.

– Бабушка?

– Ну… кто-то вроде того.

– Мяу, – раздалось из темноты, и на свет вышел здоровущий кот. С кошачьей легкостью прошелся по столу, не скинув ни единого предмета, посмотрел на Антонию.

– Хорош! – искренне восхитилась девушка.

Кот был дворянином. То есть – властителем подворотен и помоек, явно. Совершенно не породистым.

Но зато обаятельным. Серо-бурым, большим, пушистым и мордастым. Умные желтые глаза смотрели в лицо Антонии.

– Сеньор Мендоса, – представила его хозяйка. – Маркус Мендоса.

Антония протянула коту руку.

– Укусит, – предупредила хозяйка. Но вместо этого кот обнюхал предложенные пальцы, мурлыкнул – и потребовал, чтобы его почесали за ухом.

– Ишь ты….

– Меня коты любят. Вот собаки – те не очень, – созналась Антония. – Темный источник…

– Ах, ну да. Я и запамятовала.

В это Антонии точно не верилось.

Запамятовала она! А еще снег вверх пошел! И маргаритки на деревьях расти начали… забавно. Она сеньору Луису видела-то второй раз в жизни. Но уже почему-то испытывала к ней симпатию. Вряд ли взаимную.

Кот прыгнул к Антонии на колени и устроился там уютным клубочком. И замурлыкал.

– Так почему ты к Араконам приехала? – осведомилась женщина, ставя на стол чайник.

– Так я еще не говорила.

– А ты скажи.

– А что меня ждало в провинции? – пожала плечами Антония. – Я и так с трудом выживала, отец, считай, все, что мог – пропил. А как дальше…

– А в столице, значит, лучше будет?

– Не то чтобы намного лучше. Я понимаю, что в Римате тротуары медом не намазаны, и молочные реки по улицам не текут. Но шансов у меня здесь все-таки больше.

– Ну… врешь ты неплохо. Так что шансы есть.

– Я? Вру?

Правда, возмущалась Антония не слишком качественно. Сложно разыгрывать дурочку перед умным человеком.

– А то я не вижу. Фу-ты, ну-ты, табуреты гнуты… это перед Араконами ты милую девочку разыгрывать можешь, им происхождение задумываться не дает. А я-то все вижу… и глаза у тебя сообразительные, и повадки… ты не в благородном обществе росла. Верно?

Антония перестала притворяться и позволила себе расслабить спину.

– Все верно. Меня просто научили… играть. Копировать тех, кто рядом, подражать…

– Это видно.

Антония напряглась.

– Всем видно?

– Ну, не знаю. Мне видно было, а уж насколько оно всем остальным… может, если человек и приглядится, тогда понятно станет. Но Араконов можешь не бояться. Ему на все плевать, лишь бы солнышко светило, Розалия слишком озабочена своим происхождением, все ей чешется кому-то доказывать, какая она вся из себя ритана, а девчонки еще маленькие. Им бы по парням да по балам… дурешки. Там тебя точно не разоблачат.

– Это хорошо, – вздохнула Антония и, уже не жеманясь, отпила чай из чашки.

– Хорошо… только вот от кого ты сюда сбежала?

– Ни от кого.

– И снова врешь. Видно же… и еще как видно!

– Правда? – погрустнела Антония.

– Мне – видно. Но у меня и у самой…

Антония подцепила на коже ладанку, которую ей нашептала Долорес, оттянула. Пригляделась.

– У вас тоже темный источник. Но непроявленный, верно?

– Верно. Мать погуляла, да очень удачно. Вот и досталось.

Уметь ничего не умею, да и учиться неохота, слишком уж хлопот много, а радостей мало. Но кое-что разглядеть могу. И что ты боишься, и что маскируешься… а для чего?

– Чтобы от меня люди не шарахались.

– И не станут, не рассчитывай. Девок много, а темных источников, да еще проявленных – единицы.

Антония погрустнела.

– Тоже верно.

Если сеньора Луиса и сделала свои выводы, то озвучивать их вслух не стала.

– Ты пей чаек. И печеньки бери, а вон там, в вазочке, колотая чоколата. Угощайся.

Антония послушно утащила кусочек. Положила в рот, осторожно рассосала сладость и получила в ответ улыбку.

– Нравится?

– Она у вас совсем не такая, как в конфетах!

Конфеты Антония не любила за приторную сладость. А тут чоколата была на грани горечи. Но почему-то еще более вкусная. Чувствовался вкус собственно чоколаты, не щедро насыпанного в нее сахара…

– У меня знакомая есть. Сама бобы перетирает, сама варит.

– Вкусно.

– Кушай на здоровье.

– Сеньора Луиса, а чего это вы меня так приваживаете? – хитро поинтересовалась девушка.

– А чего б не приваживать? Девка ты неглупая, а мне и поговорить тут не с кем. Вокруг одни сплошные аристократы, хоть ты не плюйся, обязательно в тана угодишь!

– Ага, и подруг у вас нет, и друзей…

– Знаешь, какой самый серьезный недостаток моего возраста?

– Какой?

– Половина друзей уже померла, а оставшимся внуки помереть спокойно не дают.

Антония хмыкнула, но уточнять, где внуки сеньоры, не стала. Проявила деликатность. Впрочем – зря. Сеньора все поняла и разъяснила честно.

– Мне и в молодости замуж не хотелось, и в зрелости не тянуло. А уж в старости и вовсе глупо.

– А…

– Дети? Не получились. У меня их вообще быть не может.

– А…

– Не рассказывали о таком в твоей деревне?

– О чем именно?

– Почему так мало темных магов?

– Н-нет…

– Подумай сама. Активный темный источник – уже испытание для окружающих.

Антония вспомнила, как ее тетка вела себя с таном Эрнесто – и кивнула.

– Ну да. Наверное…

– У тебя-то, я смотрю, защита?

Антония кивнула.

– Да.

– Давно, если не секрет?

– Нет. Не очень.

– Вот, это тоже заметно. Итак, активный темный источник вообще мужчинам сильно мешает. Поди, пообщайся с дамой, которая от тебя шарахается. Разве что самые жадные соглашаются. Но дети у них рождаются… не особо сильные. Если вообще одаренные.

– Понятно.

Антония читала нечто подобное. Но в библиотеке Лассара все это было изложено так заумно… пока до сути докопаешься – озвереешь.

– Обычно бывает ровно наоборот, когда у бабы в предках темный затесался, и у мужика, а сами они вроде как обычные, иногда и без источника, а ребенок вдруг возьми, да и родись темным. И вот ему пару найти сложно. Дело в том, что темные-мужчины – у них все нормально. И детей делают, дай дорогу, и с бабами им в удовольствие. А вот у женщин-темных часто встречается бесплодие.

– Ох…

Антония поежилась.

Не то чтобы она хотела детей вот прямо сейчас. Но она же Лассара!

Последняя из!

Если она не сможет иметь детей, ее род пресечется! И все ее предки… она всех подведет. Вот что страшно!

Говорят – гордись своими предками! А что ты сделал, чтобы они тобой гордились? Антония могла хотя бы детей родить… или – не могла?

– У тебя, скорее всего, все нормально. Это когда отец – темный, а мать нет, вот тогда у бабы может быть бесплодие. А когда оба родителя обычные, или когда мать темная, обычно все в порядке. А если еще и отец одаренный…

Антония выдохнула.

– Тогда – да. А это можно как-то проверить?

– В храме.

Антония кивнула.

– Я проверю. Спасибо огромное.

С Долорес они почему-то на эту тему не говорили. К слову не приходилось.

– Вот потому темных магов и мало. Кстати – если ты себе такого найдешь, дети у тебя точно будут сильными темными. Так что – смотри.

Антония медленно кивнула.

Вот ей совершенно не хотелось искать темного мага. Она знала, кого ей хочется. Но…

– Я смотрю, уже кто-то к сердцу припал?

Антония опустила глаза.

– Мне там делать нечего.

– А что так?

– На земле живем. На него тетка уже глаз положила для моей кузины.

– Так отбей! Дел-то!

Антония покачала головой.

– Мигом из дома вылечу. А мне сейчас и идти некуда, и жить особо не на что. Хотела травницей куда устроиться…

– А диплом у тебя есть?

– Диплом?

– Это город, девочка. Здесь без диплома об окончании курсов тебя просто никуда не возьмут. Разве что полы мыть. Прислугу нанимают – и то ее сначала в агентствах учат. Как подать, как положить, как принести – встать – сказать… а ты как думала?

– Но травы-то я знаю!

– И никого это интересовать не будет. Без бумажки – ты букашка.

Антония на минуту понурилась.

– А закончить эти курсы можно?

– У тебя есть на это деньги?

– Эммм… честно говоря – нет. Наверное. Это дорого?

– Смотря что ты хочешь.

– Я травы знаю. И за больными могу ухаживать…

– Это тебе для лекарок курсы нужны… я не узнавала точно, но думаю, около ста – ста пятидесяти реалов.

Антония ахнула.

Цена для нее была неподъемной, о чем она честно и ска-

зала.

– Ну так… попробуй, заработай денег, а потом и на курсы иди.

– Интересно, где я смогу столько заработать?

– У родственников попроси.

– Курсы не помогут мне выйти замуж.

– Кто знает, кто знает… они такое любят. Прихвастнуть…

Антония вздохнула.

Любят-то любят. Но вряд ли раскошелятся.

– Можно я еще приходить буду? Пожалуйста?

– Приходи, мне не жалко. А если еще поможешь пыль на шкафах вытереть – вообще благодарна буду. Возраст у меня уже не тот, по лестницам порхать…

Антония кивнула.

– Тряпку дадите?

– И лестницу дам. Вон, в углу…

Это был честный размен. Они поболтали, и Антония понимала, зачем ее приваживают. Действительно, тяжело старухе. А если еще и темный источник…

Она-то не чувствует, и вообще, ей все равно. А кто другой? Да и характер к источнику прилагается не самый шелковый. Понятно, слуги и помощники с бабкой и не уживаются. А так – все честно.

Ее чаем напоили, она пыль протерла.

Никакой благотворительности.

Вот уж что Антония ненавидела пуще тараканов!

Держись, пыль! Мы с тряпкой уже идем к тебе!

К возвращению родственников Антония уже была дома. Честно рассказала тетушке, что выходила погулять по улице, но нагоняя не заработала. Она же не пленница, а в неприятности не ввязалась, проблем нет… ну так что же?

Не держать ведь девушку взаперти?

Да и не удержишь. Возраст такой, лучше где-то и припустить, чем потом получить взрыв и срыв.

А еще…

На заседание клуба заходил Эуджено. И на Альбу он смотрит очень ласково…

Ритане Розалии попросту было не до племянницы.

* * *

Нотариус – профессия сложная.

Надо не просто знать законы – надо идеально знать законы.

А еще надо уметь их применять, надо быть очень педантичным, въедливым, внимательным, надо уметь отстаивать свое мнение, надо, надо, надо…

Александр Мария Авиель был именно таким человеком. Невысокий, кругленький, рано полысевший, в огромных очках с роговой оправой, он совершенно не производил впечатления опасного человека.

Но!

Стоило ему найти в документах… нечто – и он вклещивался в ошибку с энергией голодного кровопийцы! И не отпадал, пока не высасывал из нее весь сок. Всю пользу…

Единственное, что раздражало почтенного нотариуса, что вносило нотку горечи в его вдохновенную работу и добавляло ему проблем – это клиенты.

Вот клиентов мэтр ненавидел. Хотя обожал свою работу.

Почему так?

Потому как человек – существо отвратительно непредсказуемое и вздорное. Сегодня он хочет одного, завтра другого, послезавтра – третьего… а кому, спрашивается, разбираться?

Нотариусу.

Только выбрал наилучший вариант, отработал его, проверил, восхитился красотой решения – и нате-здрасте!

Начинай сначала, съел козел мочало!

Вот как работать с этими людьми?!

Просто невыносимо…

Человека, который постучался к нему в дверь конторы, мэтр классифицировал сразу.

Пакость обыкновенная. И просить будет тоже о какой-то пакости. Хотя казалось бы – почему?

Стоит на пороге симпатичный мужчина лет тридцати, каштановые волосы, карие глаза с длиннющими ресницами, лицо – хоть сейчас на обложку книги и бабам показывать,

весь тираж раскупят, улыбка…

И чего улыбается?

И нет! Ни при чем тут банальная зависть пожилого колобка к молодому красавцу! Ни при чем, сказано! Цыц!

– Что вам угодно, сеньор?

– Сеньор Авиель?

– К вашим услугам.

Хочешь, не хочешь, но упускать клиента – это расставаться с деньгами. А это грустно.

– Сеньор Авиель, у меня к вам серьезная просьба, можно даже сказать – личная.

– Слушаю?

– Я являюсь дальним родственником Даэлис Лассара. Наши бабушки были кузинами…

Молчание.

– Из надежного источника я узнал, что моя кузина осталась совершенно одна, и приехал ее поддержать…

Молчание.

– К сожалению, ритана Лассара уехала и не оставила мне ни письма, ни указаний. Но возможно, вы в курсе дела?

– Молодой человек, с вас шесть реалов.

– За что?

– За консультацию.

Молодой человек поморщился, но деньги на стол выложил.

Александр Мария аккуратно пересчитал монеты, сгреб их

в ящик стола и указал посетителю на кресло.

– Итак, вы утверждаете, что являетесь дальним родственником Даэлис Серены Лассара, а также Антонии Даэлис Лассара.

– Да, сеньор.

– Ваши документы.

– Что?!

– Ваши документы. Более того, я хочу видеть вашу родословную, или мы можем запросить ее из архива, в течение часа.

Мужчина замялся.

– Мы можем обойтись без этих формальностей?

– Можем. За десять реалов.

Красавчик со вздохом выложил из кармана еще четыре реала. Нотариус покачал головой.

– Нет-нет, не*всего* десять, а *еще* десять реалов.

– Не много ли за ваши услуги?

– Сеньор, вы всегда можете заявить в полицейском участке, что я вымогал у вас деньги.

Сеньор заявлять не захотел. И добавил еще монет, которые так же закончили свой путь в ящике стола нотариуса.

– Сеньор, – скрипнул Александр Мария, – если бы вы проявили больше участия в вашей родственнице, вы были бы в курсе, что она уехала к родным.

– К родным?

– Да. У Лассара есть родные в Эсклоте, к ним Антония

Даэлис и отправилась.

– Эсклот… это так далеко! Это точные сведения?

– Сеньор, я сам посадил девочку на поезд. Более того, я лично писал письмо к ее родным…

– Вы их знаете?

– Пока нет, но надеюсь познакомиться, как только они мне напишут или позвонят.

– Сеньор, умоляю, скажите, где искать кузину?! Я не останусь в долгу!

– Пятьдесят реалов!

– Сеньор!

– Ладно, пятьдесят пять. Уговорили…

– Но позвольте?!

– Шестьдесят. Моя совесть и моя честь нотариуса, сами понимаете…

Визитер понял, что ему проще заплатить, пока торг не пошел дальше, и выложил еще монеты. Александр Мария улыбнулся.

Замечательно.

Теперь он купит жене новое шелковое платье, о котором та мечтает. И дочке тоже. А внучке можно выписать из города целлулоидную куклу. И сыну помочь…

– Эсклот. Поместье Саралас. Тан Саралас, как я понял, дальний родственник ританы Антонии. По линии ее бабушки.

– Благодарю вас, сеньор. А теперь…

– А теперь, полагаю, вы хотите со мной вежливо попрощаться? – улыбнулся Александр Мария.

– Э…

Вообще-то визитер намеревался вернуть свои деньги. Придушить немножко наглеца, выгрести наличные и убраться. Но…

Скрипнула дверь.

Клиенты – они бывают разные, а потому Александр Мария всегда держал при себе не секретаря, а компаньона. Симпатичного пса породы мастиф по кличке Алекс.

– Рррр? – вопросительно уточнил Алекс.

– Да, дружок. Наш гость уже уходит.

Гость подскочил с кресла и закивал головой.

Да, он уходит.

И быстро.

И вообще, он уже ушел.

– Саралас?

– Да, сеньор.

– Прощайте.

– И вам всего самого лучшего.

Когда за визитером закрылась дверь, сеньор Авиель погладил пса – и тихонько фыркнул.

Дилетанты!

Болваны!

Был бы этот тип чуточку поумнее гусеницы, понял бы то, что сразу же понял мудрый нотариус.

Лассара.

Саралас.

Анаграмма…

Антония Даэлис явно кого-то побаивалась. Не этого ли типчика?

Вполне возможно. Что ж, пусть ищут Сараласов. А он действительно написал письмо в Эсклот. Но что-то ему подсказывало, что там Антонии Даэлис Лассара не обнаружится.

Впрочем – это не его проблемы. Он ведь видел, как типчик касался часов в кармашке на жилете. И… нет, не видел. Но у любого нотариуса есть прибор, настроенный на определение магии. У типа в кармане определенно было что-то такое…

Кристалл правды?

Их слишком сложно зачаровывать. Да и размер там… с человеческую голову. Но может быть, некий аналог…

Вся прелесть ситуации в том, что нотариус не соврал. А о размышлениях его не спрашивали.

Глава 5

– Мамочка, это ужасно!

– Альба, прекрати. Пятно, конечно, некрасивое, но ничего трагичного я в нем не вижу.

– Но это моя любимая пара!

– У тебя туфель – половина гардероба!

– Мамочка! Но это же бальные… и я хотела в них пойти на маскарад…

Ритана Розалия вздохнула.

Да, с этим было сложно спорить. Ах, маскарад!

Раз в два месяца в столице обязательно устраивались маскарады.

Для всех.

Понятное дело, простонародье веселилось в своем кругу, знать – в своем. Для знати специально закрывался парк Кардарера, оцеплялся полицией, и люди веселились в свое удовольствие.

Простонародье же гуляло на улицах столицы.

Конечно, к маскараду готовились загодя. Костюм, маска, туфельки… и вот, на туфельке из золотистого шелка, которую должна была надеть Альба, красуется гадкое грязное пятно.

– Но откуда?!

– Наверное, горничная поставила рядом уличную пару! И

не вычистила! – топнула ножкой Альба.

– Я с ней разберусь, – нахмурилась ритана Розалия. – Ладно, закажем новые туфли. Но я сейчас не смогу с тобой съездить…

– Мама!!! – вопль был исполнен истинного страдания.

Ритана покачала головой.

– У меня встреча с ританой Ладерис. Я не могу ее пропустить. А Паулина себя плохо чувствует…

– Мама, у меня отличная идея! – глаза Альбы сверкнули искрами. – Пусть со мной съездит… вот, она!

Пальчик, украшенный тщательно отманикюренным ногтем, уперся в Антонию.

– Я?! – едва не подавилась омлетом девушка.

– Ты! И кстати, мам, надо будет подобрать ей костюм для маскарада! Или ты хочешь оставить кузину дома?

Кто больше ошалел от этого вопроса – было сложно сказать. Или ритана Розалия, или Антония… переглядывались они обе одинаково расширенными глазами. Ритана понимала, девушки не сговорились. Такое не подделаешь.

Вообще-то именно это ритана Розалия и хотела сделать. Зачем ей на маскараде еще одна обуза? За своими двумя уследить бы! Но не озвучивать же такое вслух?

Поэтому…

– Я об этом не подумала… действительно, у нас остался твой прошлогодний маскарадный костюм? Надо отдать его Рите, пусть подгонит по размеру.

– Ага…

– А туфли… – ритана Розалия прошлась взглядом по фигурке племянницы и была вынуждена констатировать печальный факт. – Твои не подойдут. Тони ниже ростом, и ножка у нее меньше. Но ступня шире.

Антония кивнула.

А попробовали бы вы бегать босиком до холодов! Мигом бы лапка «растопталась».

– Ладно. Съездите, купите туфли Антонии, ну и тебе, конечно.

– Мамочка!!! Ты чудо!!!

– Возьмите мобиль…

– Мама, но его отец взял!

Ритана Розалия поджала губы. Но Альба тут же нашла выход.

– Да мы пешком дойдем, тут десять минут!

– Пешком?

– Мамочка, ну что в этом такого?! Соседняя улица! Ладно, через одну! И мы вдвоем будем!

– А если вас кто-то обидит? Пристанет?

– К двум ританам?

– Подонков много, Альба.

– Мамуся, ну прошу тебя!

И что тут было сказать?

– Ладно. Сходите. Одевайся, я сейчас достану деньги.

– УРРРРАААААА!!! – завопила Альба Инес и бросилась

целовать мать. А потом помчалась переодеваться.

Ритана Розалия грозно посмотрела на Антонию.

– Если что-то случится… ты меня поняла?

– Да, тетушка Розалия. Я пригляжу за Альбой.

– Уж будь любезна.

Можно подумать, у Антонии был выбор. Но если бы ее спросили – Альба точно что-то задумала.

Вот кто бы сомневался.

Стоило им за забор особняка выйти, как Альба Инес развернулась к Антонии.

– Слушай меня внимательно, приживалка! Будешь делать так, как я скажу!

– А то что? – подобными наездами Антонию было не запугать.

Слова?

А драться вам не приходилось? Да с парнем, который в два раза тяжелее?

– А не то скажу, что ты у меня кольцо стащила! Вылетишь в два счета, еще и в тюрьму угодишь!

Антония едва не рассмеялась в лицо оторопевшей красотке.

– Скажи, скажи! Испорти себе будущее на всю жизнь! То ли ты украла, то ли у тебя украли… век оправдываться будешь!

– Ах ты дрянь!

– Дрянь, дорогуша, это ты! А я – дрянь с проявленным

темным источником. Мамочка тебе не сказала?

Рот у Альбы Инес открылся.

Даже если сказала, видимо, красотка в это время была занята чем-то более важным. Ноготками, к примеру. Или прической.

– Уж проклясть я тебя всегда успею. Сейчас не смогу, так потом время выберу – на тебя и нищий под забором не позарится.

Судя по тому, как девушка побледнела, подобного ответа она не ожидала. Но – зеркало.

Как вы ко мне, так и я к вам. Вот и все.

И Антония закончила уже более примирительным тоном.

– Стоит ли нам ссориться? Может быть, я и так помогу? Без угроз?

Альба прищурилась.

– И с чего ты такая добрая?

– Я тебе помогу, ты мне. Что тут удивительного? Мне в жизни устраиваться надо… думаешь, меня твои родители выгодно замуж выдадут?

Альба сморщила носик.

– Разве что с их точки зрения.

– А мне за толстого и старого вдовца с шестью детьми не хочется.

Альба соображала быстро. Тем более что у нее была та же проблема.

– Я тебя прикрою, ты – меня?

– Почему нет? Только в доме меня будешь третировать, ругаться и жаловаться, поняла?

Альба нахмурилась. Потом сообразила и кивнула.

– А ты?

– А я буду плакать и говорить, что ни в чем не виновата.

– Можно попробовать.

– Перед возвращением выберем, о чем мне наябедничать. И за что ты на меня злиться будешь, – кивнула Антония.

Альба посмотрела на нее более благосклонно.

– А ты не дура.

– Была б я дурой – уже умерла бы.

Это Альбу как раз не заинтересовало. Ну и умерла… ей-то какая разница? А вот что выжила и здесь оказалась – куда как интереснее. И в своих целях можно использовать.

– Продашь меня – голову оторву!

– Я голову не оторву, – не осталась в долгу Антония. – Но ты сама повесишься.

Девушки переглянулись и уверенно зашагали по направлению к лавке.

Туфли сеньора Риколетти

Вывеска была нарочито скромной. Ни позолоты, ни завитушек.

– У него лучшие туфли во всем Римате, – шепотом просветила Альба провинциальную кузину. – Берет, конечно, дорого, но шьет замечательно. И быстро.

– Зачем ты туфли испачкала? – шепотом поинтересовалась Антония.

Шепотом, потому что девушки входили в лавку.

Альба прищурилась на кузину, но ответить не успела – перед ними в поклоне согнулся приказчик.

– Ританы, прошу вас…

Закрутился с поклонами, предлагая товар, но Альба повелительно махнула рукой.

– Я – ритана Аракон. И мне нужны определенные туфли! Позовите мастера!

– Сейчас, ритана! Прошу вас минутку подождать…

Приказчик еще раз поклонился – и удрал за занавеску. Антония вопросительно посмотрела на девушку.

– Ну так?

– Мне надо было кое с кем встретиться. Ты подольше заказывай туфли…

– Я?!

– Сначала я, потом ты…

– Ага. Как раз успеет подойти тот, с кем ты договорилась, – сообразила Тони.

А что тут думать? Схема примитивная. Сейчас приказчик телефонирует клиенту, и тот приедет, пока Альба подбирает обувь по ноге. Это процесс длительный, и провести его в отсутствие заказчика никак нельзя. Не перчатки.

А потом будет подбирать обувь Антония. И даст Альбе с полчаса общения… с кем?

Глухо стукнуло сердце.

Он?!

Антония прикусила изнутри щеку, запрещая себе даже думать об этом.

Не надо! Потом, Тони, все потом…

Мастер Риколетти появился из подсобки примерно через десять минут, когда Альба успела раскритиковать половину товара на полках.

– Ританы? К вашим услугам!

– Мастер Риколетти, – Альба похлопала ресницами и протянула ему испорченные туфельки. – Это просто ужасно!

– Варварство! – согласился мастер. – Отвратительно.

– Можно ли это исправить?

– Можно. Но если я правильно помню, ритана Аракон, вы заказывали эти туфли для маскарада.

– Сеньор, ваша память, как всегда, точна.

– А я не успею за два дня.

– Поэтому мне нужны новые туфли. И моей кузине – тоже.

– Кузине? Хм…

– Ритана Лассара тоже будет на маскараде. В костюме цыганки. Ей нужны красные или черные туфли…

– Лучше черные, – тут же вмешалась Тони. – Возможно, с красной аппликацией…

Красные ей потом не пригодятся, а черные она сможет носить.

– В виде бабочек? Или маков? А может, в виде змей?

Красных? – задумалась Альба. Показательно прижав палец ко лбу… – Это надо подумать! Мастер!

Судя по лицу мастера, цена туфель увеличится минимум втрое. Что ж. За все надо платить – и лучше чужими деньгами.

Антония развела руками, и мастер принялся разбираться с туфлями для Альбы.

Цвет, оттенок, каблучок, вышивка, плюс еще сорок дюжин капризов…

Антония ждала.

Звякнул колокольчик над входной дверью, девушка повернулась – и сердце ее пропустило удар.

* * *

Эуджено был прекрасен.

Даже – Прекрасен!

Восхитителен и неповторим! Простой серый костюм сидел на нем так, что мужчины всего мира могли бы преисполниться черной зависти. Золотые волосы растрепал ветер, и непослушные завитки спадали на высокий чистый лоб. Голубая рубашка оттеняла голубые глаза, а улыбка…

Сердечко Антонии зашлось в стремительном ритме. Похолодели пальцы, участилось дыхание… Но – напрасно.

Эуджено видело только Альбу. Ей улыбался, ей заглядывал в глаза…

– Ритана Аракон! Какая встреча!

Ритана Аракон расцвела маковым цветом. Не научилась еще врать с такой же непринужденностью.

– Тан Валеранса! Я счастлива вас видеть!

– Я не знаю, как это у вас получается, но сегодня вы еще очаровательнее, нежели вчера. И окончательно разбиваете мое несчастное сердце.

– Я никогда бы не осмелилась…

– О, ритана! Я бросил бы вам под ноги мир, лишь бы грубая реальность не коснулась и подошвы ваших туфелек…

Мастер Риколетти посмотрел на одну, на второго – и аккуратно уточнил:

– Ритана, вас устраивают эти туфли?

– О, да! Да, конечно, – отозвалась ритана, только что назвавшая эти туфли «шедевром кораблестроения» за острый нос и низкий каблучок. Ничего страшного, но ступня в такой туфельке кажется чуточку длиннее, чем есть на самом деле. Глаза мастера блеснули злорадством.

Антония промолчала.

Хотя и подозревала, что именно в этих туфлях кузина окажется на маскараде. Ну так… сама виновата!

И вообще…

Что вообще и в чем виновата Альба – Антония не ответила бы. Но было очень обидно. Потому что она сейчас страшненькая, потому что Эуджению улыбается не ей, потому что…

Обидно же!

Что тут непонятного?!

Конечно, полностью уединиться парочке никто бы не позволил. Но вот удалиться в дальний угол лавки и любезничать там над туфлями, пока Антония примеряла очередное творение мастера Риколетти – запросто.

Впрочем, девушка и мастер легко нашли общий язык.

– Вы, ритана, небогаты, верно?

Сложно было не догадаться.

– Да, мастер Риколетти.

– Тогда я вам предлагаю кое-что другое…

«Другим» оказались туфельки из мягкой кожи. Не шелковые, нет…

– Прослужат долго, кожа с пропиткой, – объяснил мастер. Закругленный нос, невысокий каблучок в три пальца, подошва из жесткой кожи, металлическая подковка на каблучке, два ремешка крест-накрест на щиколотку.

Черная кожа ласкает пальцы…

Антония погладила ее кончиком пальца, как кошку.

– Красиво…

– Пощупайте здесь, ритана.

Ритана послушалась.

– Носок… жесткий.

– Да. Там тоже небольшая вставочка. На случай, если вас попробует поцеловать кто-то неприятный.

– Да? – заинтересовалась Антония.

– Очень удобно пинать носочком туфельки в голень, – объяснил мастер. – Поверьте, сносу не будет!

– А какие устойчивые!

– Попробуйте, покружитесь!

Девушка выполнила просьбу. Крутанулась на каблучке, на втором – равновесие держалось идеально.

Антония принялась горячо благодарить. А потом спохватилась.

– Ох! А аппликации?!

– Не переживайте, ритана. Я их прикреплю буквально на бумажный клей. Потом вымоете туфельки с мыльным корнем, и все отстанет.

– Спасибо вам огромное! – поблагодарила Тони.

Она не видела, как в задней комнате мастер отвешивал подзатыльники своему приказчику.

– Болван! Идиот! Кретин!!! Никогда не помогай благородным в их шашнях! Сколько б ни сулили! Они между собой разберутся, а ты виноват останешься!

Уж что там дошло, чего не дошло…

Но мастер отлично разобрался в ситуации. Ясно же!

Вот она, ритана, вот он – тан. Закрутили-замутили… девчонка при ритане – явно приживалка. Такая возражать не станет, донести не посмеет.

Да и жалко ее. А если есть возможность помочь, да за чужой счет… припишет мастер немножко к счету ританы, а

достанется вещичка получше ее спутнице. Ибо Альба, ошалев от собственного очарования, не давала спуску никому. И мастера это раздражало.

А еще…

Как бы вы отнеслись к тому, кто намеренно портит вашу работу? Уж не дурнее Антонии оказался мастер Риколетти! И решил взять виру за моральный ущерб!

Пусть платят!

Пока примерка, пока приклейка, пока то да се…

Антония выполняла указания мастера, а сама нет-нет, да и косилась в угол, где, склонив друг к другу темную и золотую головы, сидели двое.

Сидели и разговаривали о чем-то. А мужчина завладел рукой девушки и перебирал тоненькие пальчики, украшенные дорогими кольцами.

И было ужасно обидно…

И колола ревность. Злая, несправедливая, жестокая… она бы тоже так могла!

Если бы мама была жива…

Если бы отец не спился…

Если бы…

Почему – не она?!

За что?!

Мастер Риколетти смотрел на это представление грустными глазами. А потом подумал и умножил цену за туфельки ританы Аракон еще на два.

Так, для профилактики…

На улицу все трое вышли вместе.

– Ритана, вы позволите вас проводить?

– Эудже… тан я была бы счастлива. Но пока родители не разрешили, наверное, не стоит.

Тан огорчился.

Антония… то ли огорчилась, то ли обрадовалась.

С одной стороны – Он сейчас уйдет. А так она могла бы смотреть на любимого человека еще какое-то время.

С другой… разве легко смотреть, как твой любимый человек нежно наклоняется к другой женщине? Как смотрит восхищенными глазами?

Как улыбается ей? Как бережно подает руку, переводя через порог, так, словно она – величайшая драгоценность.

Почему так душно?

И почему так хочется то ли кричать, то ли плакать, почему хочется то ли вцепиться в тщательно уложенные локоны Альбы, то ли схватить за руку Его…

Эуджению, самого идеального мужчину, которого она видела, и умолять, умолять… обратить на ее внимание?

Не смотреть на Альбу?

Почему, ну почему он не понимает, что Антония может составить его счастье? Альба не сможет, она слишком глупая, подлая, злая… даже если она не такая, она все равно его счастливым не сделает! А он достоин счастья!

Антония это точно знала!

Она могла бы сделать его счастливым, могла…

А он!

Почему, почему, почему?!

Ответа не было.

Альба распрощалась со своим… нет! Он пока еще не ее!

Не ее!

Не Антонии, но и не этой подлой дряни!!!

Альба распрощалась с Эуджено – и направилась к дому.

– Туфли принесут сегодня вечером.

– Да, – бесцветно отозвалась Антония.

Впрочем, Альбе плевать было и на цвета, и на голос… спустись к ней лично Творец Единый, она бы и на того внимания не обратила!

Ах, Эуджено!

Такой красивый, богатый, знатный – и ее!

Мама будет счастлива…

Подруги помрут от зависти…

Паулина первая – ей, страшилке, такое счастье не перепадет, пусть и не облизывается…

Антония?

Кого интересует мебель? Вы еще у табуретки спросите, что она себе думает?

А как они будут вместе смотреться? Он, в военной форме, она в роскошном бальном платье, он ее кружит, кружит по залу…

А еще они могут быть представлены ко двору.

Тут еще была своя тонкость. Вот Антония Лассара, несмотря на своеобразность своей фамилии и всю ее славу, несмотря на скандал, бедность и темный источник, могла быть представлена ко двору и принята со всей благосклонностью.

Ибо предки ее столетиями служили короне, благородство происхождения не вызывает сомнений, семейная история – ах, какая романтика, а бедность не порок.

Темный источник в худшем случае мог стать причиной сплетен. На недельку.

А вот Альбу Инес Аракон ко двору если и представят, то девушке придется там ох как несладко. И хорошее место она не получит, и отношение к ней будет плохое – происхождение.

Понятно, что купцы тоже служат короне, хотя и на свой лад, и уважают их не за красивые глаза, но…

Но!

Примирить родословную и деньги не просто сложно – ОЧЕНЬ сложно. Да, можно пользоваться. Но равными себе считать нельзя. Не станут.

Альбе это было ужасно обидно. Но как дочь Розалии Аракон она легко стала бы придворной мишенью для остроумия.

Как супруга Эудженио Валеранса?

Зависть?

Безусловно! Но никак не насмешки и не остракизм.

А значит…

Какие недостатки у Эуджении Валеранса?

Он молод, красив, умен, обаятелен, он отставной военный (ах, они так шикарно смотрятся в своих мундирах!), он знатен и богат… так какой у него недостаток?

Только один.

Он до сих пор не сделал Альбе предложение!

Что ж! Все еще впереди! Альба была настроена решительно. Победа или смерть? Фи, какие глупости!

Только победа!

Туфли доставили к ужину. И счет – тоже.

– Почему так дорого? – возмутилась счетом ритана Розалия.

– Дорого? – удивилась Альба. – Мама, я должна выглядеть лучше всех!

– Под маской все равно будет не видно, как ты там выглядишь, – хихикнула Паулина.

– В твоем случае и маска не поможет, – цыкнула на сестру Альба. – Твою фигуру скрыть – это паранджа нужна, а не маска.

Паулина покрылась красными пятнами, вскочила и выбежала из-за стола.

– Альба Инес! – рявкнул Адан Аракон. – Извинишься перед сестрой.

– Да, папа, – Альба отлично знала, когда лучше не показывать характер. Ну, Паула! Получишь ты у меня!

– И что там с ценой туфель?!

– Наверное, это за две пары, – наивно предположила Альба.

– Нет. Это только за твои туфли, – отрезала ритана. – Посмотри сама.

Альба бросила взгляд в бумажку.

Да, ее туфли почти в пять раз дороже, чем у Антонии. И что?! Она любимая дочь, она красива, умна, обаятельна, ей надо охотиться на самого шикарного мужчину всей столицы…

Это она родителям и сказала.

Мать покачала головой.

– Детка, если так транжирить деньги…

– Мама, но я же не каждый день?

– Да, только каждую неделю.

– Маааааааам!

Альба скорчила рожицу. Поныла, и с удовольствием увидела, как папа подписал счет. Но это естественно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.